

ВЛАДИМИР
ШИГИН

СИРИЙСКИЙ ЭКСПРЕСС

Миссия выполнима

Владимир Шигин
Сирийский экспресс

«ВЕЧЕ»

2018

Шигин В. В.

Сирийский экспресс / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2018 — (Миссия выполнима)

ISBN 978-5-4484-7714-0

После недолгих колебаний Рыжов соглашается. Новый приключенческий роман известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящен событиям нашего времени, которые вполне могли произойти в реальности, – борьбе с международным терроризмом. В центре произведения – коллективный подвиг моряков Черноморского флота, спасающих мир от страшной глобальной катастрофы. Это люди, разные по своим привычкам, жизненным планам и увлечениям. Но всех их объединяет любовь к России, преданность флоту и верность воинскому долгу.

ISBN 978-5-4484-7714-0

© Шигин В. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Сирийский экспресс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Виленович Шигин

Сирийский экспресс

© Шигин В.В., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Сирийский экспресс

*Моим друзьям, живым и уже оставившим этот мир,
посвящаю эту книгу
Заходит с тыла седина,
Спешат морщины...
Но если где-то есть война,
Там есть мужчины.*

Владимир Силкин

12 МАРТА 2016 ГОДА.

НОВОРОССИЙСК. ВОЕННО-МОРСКАЯ БАЗА

Звонок по «каштану» буквально вырвал Шубина из объятий сна.

– Товарищ командир! Вас на связь оперативный!

Разлепив глаза, глянул на судовые часы. Стрелки показывали половину первого ночи.

Делать нечего, надо было вставать. Шубин застегнул пуговицы рубашки, натянул носки, влез ногами в стоявшие у койки туфли, поелозил, чтобы смятые задники встали на место. Мотнув головой, прогнал остатки сна. Плеснул с умывальника в лицо пригоршню воды. Поднялся на ГКП, взял трубку берегового телефона.

– Михалыч! Как у тебя с топливом и водой? – несколько виновато поинтересовался из трубки хриплый голос оперативного дежурного Новороссийской базы Кости Соборы.

С Соборой Шубин когда-то начинали лейтенантами в одной бригаде, поэтому отношения остались соответствующими.

– Запасы, разумеется, полные! Я же по приходе из Севастополя докладывал! – недолго ответил Шубин, начиная понимать, что и поздний звонок оперативного, и его, на первый взгляд идиотский вопрос имеют и смысл, и взаимосвязь.

От отсутствия смысла, как и от отсутствия взаимосвязи, Шубин не ждал ничего хорошего. Это подсказывал и опыт службы, и старая флотская примета: если звонит оперативный, то он звонит не для того, чтобы справиться о твоём здоровье. «Впрочем, какие могут быть разговоры, – тут же подумал он. – Мы – “сирийский экспресс”, а это значит, что права на отдых у нас нет уже просто по определению».

...Когда началась международная террористическая интервенция в Сирии, российское руководство приняло решение об оказании помощи правительству Асада. На Черноморский флот тогда была возложена задача доставки жизненно необходимых народу Сирии грузов – от продуктов питания и медикаментов до вооружения и стройматериалов. Немудрено, что сирийцы сразу же прозвали непрерывную череду приходящих в Тартус десантных кораблей и гражданских транспортов «дорогой жизни». Сами же моряки обычно говорили, что просто выполняют специальную задачу по перевозке грузов. Затем какой-то журналист, начитавшись Агаты Кристи, окрестил маршрут из Новороссийска в Тартус и обратно «сирийским экспресом». Название прижилось вначале в прессе, затем среди начальства и, в конце концов, стало чуть ли не официальным наименованием всей этой нескончаемой военно-морской операции.

– Тяжкая доля быть гонцом, приносящим плохие вести, но что есть, то есть, – тем временем завздыхал в трубку Собора. – Короче, Вова, старый план похода «вниз» только что поменялся. Двух суток стоянки не будет, с утра приказано начинать погрузку. Да и еще, груз срочный, и погрузиться надо за один день.

Шубин промолчал, что говорить, когда решение уже принято? Они только что вернулись «с низа» (так черноморцы именовали походы в Сирию), пополнили запасы в Севастополе и перешли для приемки груза в Новороссийск, где он рассчитывал все же дать экипажу какой-

никакой отдых. Но, видно, не судьба. Особенно не понравилась Шубину последняя фраза Соборы, что вместо обычных двух дней неторопливой отработанной погрузки надо было грузиться в два раза быстрее.

– Сам понимаешь, – еще раз вздохнула трубка, – я лишь передаточное звено, и решение уже принято. Поливы для тебя заказаны.

– Прогноз?

– Плохой, усиление ветра до 18 метров, ближе к Босфору море совсем горбатое.

– Кто старший от пассажиров?

– Некто майор Почтарев. Ну, бывай! Крайний поход, как последняя любовь.

– И тебе не хворать. Конец связи.

Шубин дернул тангетку.

– Дежурный по кораблю лейтенант Фотиев! – мгновенно отозвался динамик, будто там только и ждали сигнала.

– Вызови на ГКП старпома!

Через пять минут в проем люка просунулась заспанная физиономия старшего помощника Марченко:

– Товарищ командир, что-то случилось?

– Случилось! С утра срочно принимаем технику, причем на прием всего день. Личный состав будить не надо, подними только тех, кого считаешь нужным.

– Ё-мое! – только и нашелся что ответить старпом, после чего тут же рванул по своим старпомовским делам.

Если техника и грузы придут с утра, то к этому времени корабль должен быть полностью готов к их приему. И хотя экипаж отработан до автоматизма, все равно дел у старпома было много. Что касается экипажа, то, несмотря на все дела, Шубин все же решил людей не дергать. Завтра у всех будет напряженный день и экипаж должен быть отдохнувшим, тем более что «Кострома» уже стояла в месте погрузки и переходить никуда было не надо. Штурман все свои предварительные прокладки сделал еще в Севастополе, после чего Шубин их просмотрел и утвердил. Теперь их надо было лишь откорректировать по конкретному времени съемки.

Что касается механика, то он только вечером доложил, что топливо и вода загружены до полных норм. Надо было полнить лишь машинное масло, но заявка в техотдел Новороссийской военно-морской базы уже была отправлена, и завтра ее обещали выполнить.

Спустившись с ГКП в каюту, Шубин решил все же немного поспать. Но заснуть не получилось. Что-то давило сердце, будто кто-то положил тяжеленный гнет. О причинах не хотелось даже думать. В ушах звучала последняя фраза оперативного о «крайнем походе». Впрочем, время для раздумий на эту тему у него еще будет.

После подъема и завтрака старпом Марченко дал команду: «Корабль к приему десанта приготовить!» На БДК открыли ворота, после чего на береговой слип, возле которого был ошвартован корабль, опустили аппарат. Боцманская команда приготовила крепления для техники и груза. Марченко на ГКП принял доклады о готовности боевых частей.

– Боцманская команда к приему десанта готова!

– Есть!

– Боевая часть пять к приему десанта готова!

– Есть!

Позвонил оперативный – техника на подходе.

Шубин направился к трапу, спустился на пирс. Мимо быстрым шагом проследовало несколько матросов во главе с начальником службы снабжения Бочаровым, отправленные в город для закупки необходимой мелочовки – от чая до щеток для «болгарки».

Бочаров почтительно козырнул, Шубин махнул в ответ: мол, поскорее возвращайтесь. Невдалеке уже топтался незнакомый молодежавый майор, скорее всего, тот самый Почтарев. Шубин направился к нему.

– Вы старший на технике?

– Я!

Обменялись рукопожатием.

– Командир корабля Шубин Владимир Михайлович.

– Майор Почтарев Андрей Николаевич.

Рука у майора была сухая, жилистая, да и рукопожатие хорошее, крепкое, мужское.

За плечами у майора были Чечня, Донбасс и Сирия, два ранения и столько же орденов. Он только месяц назад вернулся из Сирии в подмосковную Ситенку, где стоял его саперный батальон, и вот теперь снова командировка.

– Что за техника?

– Машины «скорой помощи» и «Вепри».

– Со «скорыми» понятно, а вепрь, что за зверь?

– Бронированная машина разминирования БМР-3М.

– Сколько весит?

– Сорок восемь тонн штука!

– Тяжел зверюга.

– У вас трюм большой?

– Думаю, хватит. Танковый трюм 95 метров в длину, 4,5 в ширину и в высоту.

– Действительно, хватит! – довольно хмыкнул Почтарев.

– Товарищ командир, мостик докладывает: корабль к погрузке десанта готов! – прокричал дежурный у трапа, перегнувшись через фальшборт.

– Добро! – поднял голову Шубин и посмотрел на Почтарева. – Пора ваших зверей загонять в клетку.

– Приготовиться к приему техники и грузов через кормовое устройство! Проверить кормовое устройство приема десанта и грузоподъемные устройства корабля! Подготовить и разнести на штатные места крепления техники. Старшему боцману корабля провести инструктаж личного состава, участвующего в погрузке.

– Начать погрузку! – последовала команда с ГКП «Костромы».

Правила погрузки определены и незыблемы – вначале грузится боевая техника и только потом весь остальной груз.

... Колонна БМРов медленно вползала на пирс. «Вепри» и вправду выглядели устрашающе: танки были без пушек, но с усиленным бронированием, при этом каждый тащил по здоровенной двойной волокуше, которые Почтарев уважительно именовал минными трапами.

«Вот оно как, Михалыч, а я думал, что лишь у нас, флотских, приоритет на трапы, оказывается, и матушка пехота таковыми обзавелась!» – подумалось Шубину, но спросил о другом:

– А каково в этой консервной банке сидеть, когда волокуши по минам громяют?

– Обыкновенно, – улыбнулся Почтарев. – Наше дело такое – саперное. Кстати, в «Вепрях» имеются биотуалеты, кондиционеры и подогреватели пищи, так что подпрыгиваем на минах с максимальным комфортом.

– Да уж, у вас действительно без биотуалета не обойдешься, – только и нашелся что ответить Шубин.

Первый танк осторожно сдавал задним ходом. Водитель, высунув голову, следил за каждым сигналом командира танка, который лично руководил погрузкой вверенной ему техники:

– Миша, чуть-чуть сдай вправо, еще-еще. Все, стоп! Теперь прямо! Держать прямо! Пошел! Пошел!

Около аппарели стоял Почтарев, контролирующий уже самих командиров танковых экипажей. За погрузку на десантные корабли перевозимой техники отвечает сам десант.

Первый танк аккуратно заехал на опущенную на пирс аппарель. Короткая остановка, и спустя несколько мгновений он уже стоял на своем штатном месте в твиндеке. Матросы, во главе со старшим боцманом, ловко и быстро стальными растяжками с талрепами закрепили стальную машину «по-походному», а по аппарели, фыркающая клубами дыма, уже въезжал следующий бронированный монстр.

Танки заползали задним ходом, рыча и выплевывая клубы вонючего дыма, будто живые существа, которым не нравились тесный твиндек, предстоящее морское путешествие и особенно неизбежное «распятие» на талрепах. За каждым танком отчаянно гремела стальная волокуша.

После «Вепрей» начали грузить машины «скорой помощи». Надписи на их кабинах и по бортам были на русском, но почему-то все перевернуто задом наперед. Такую абракадабру Шубин не раз видел на улицах и раньше, теперь же вдруг весело подумалось, что, может быть, трафареты так набивали специально – этакая наша военная хитрость, чтобы враг не догадался, что «скорые» из России. Ну вот, кажется, и все. Последняя «скорая» исчезла в твиндеке. Теперь на очереди были ящики с различным грузом...

Шубин глянул на часы. По времени вроде бы укладывались. Из Новороссийска лучше всего было выходить ближе к вечеру. На пересечение Черного моря 10–12 узловым ходом у БДК уходило двое суток. Поэтому к Босфору в этом случае корабль подходил как раз ко времени, определенному турками на проход пролива.

Ближе к концу погрузки на берегу неожиданно показался «уазик». Машина остановилась, и оттуда легко выбрался командир Новороссийской военно-морской базы вице-адмирал Андреенков. Увидев начальство, Шубин озадачился. Десантные корабли покидали Новороссийск раз в 3–4 дня, поэтому высокое начальство давно к этому привыкло и не особо докучало командирам своим присутствием.

– Товарищ вице-адмирал! На большом десантном корабле «Кострома» происходит прием техники! Командир корабля капитан 2-го ранга Шубин!

Андреенков, улыбнувшись, пожал Шубину руку:

– Ну что, командир, готов к походу!

– Так точно, товарищ вице-адмирал!

– Ты уж не сердчай, что мы тебя раньше времени вытаскиваем, но ситуация «внизу» непростая – началась наступательная операция, и дополнительно срочно потребовались танки разминирования. У тебя какие-нибудь вопросы еще нерешенными остались?

– Да нет, товарищ адмирал, вроде бы все решили! – твердо доложил Шубин.

– Ну, тогда не буду тебя отвлекать! – снова протянул Шубину руку Андреенков. – Желаю удачи!

Он крепко пожал командиру «Костромы» руку и, уже не оглядываясь, пошел к машине.

Шубин смотрел вслед Андреенкову. Командир Новороссийской ВМБ был одним из последних представителей еще старой советской океанской школы. Почти все время он прослужил на Севере, да не где-нибудь, а в продуваемой насквозь штормовыми ветрами Гремихе (кто хоть немного представляет Север, поймет, о чем речь) и только под закат службы попал на Черное море. «Ефимыча» (так за глаза звали Андреенкова и начальники, и подчиненные) не только уважали, но и любили. Был он мудр и справедлив, а кроме того, внимателен ко всем окружающим, независимо от звания и возраста. Только Ефимыч мог подвезти опаздывающего на подъем флага лейтенанта на своей машине, запросто поговорить «за жизнь» со встречным ветераном-мичманом, держать на постоянном контроле вопросы обеспечения подчиненных жильем и детскими садами, знать пофамильно рабочих в котельных. В то же время только

Ефимыч мог, не повышая голоса, так спросить с нерадивого, что тот помнил это всю оставшуюся жизнь...

«Если я когда-нибудь стану адмиралом, непременно постараюсь руководить так же, как Ефимыч», – почему-то неожиданно признался сам себе Шубин и тут же устыдился своих карьеристских мыслей. Какой, к черту, адмирал, когда ему уже сорок пять, а он еще командир корабля 2-го ранга, причем в силу возраста уже без всякой надежды на академию.

«Уазик», взвизгнув старенькими тормозами, умчал командира базы в спускающиеся сумерки.

Наконец загрузили последний маркированный ящик. Старший помощник сверил все сопутствующие документы. Доложил, что все в норме. Шубин легко взбежал по трапу. По ВПС вышел на связь с оперативным:

– Я «Бугель-217»! Прошу предварительное «добро» на выход!

– Предварительно «добро» дано! – ответила трубка.

Шубин повернулся к старпому:

– Играй приготовление!

Марченко кивнул и трижды сдвоенно нажал тангетку звонка, прокричав в «каштан»:

– Учебная тревога! Корабль к бою и походу приготовить!

В одно мгновение весь корабль пришел в движение. Офицеры и матросы устремились на боевые посты. Дробно простучали по трапам каблуки ботинок. Герметизируя корабль, с лязгом захлопнулись межотсечные двери.

А Марченко уже руководил процессом. Одна за другой следовали команды:

– Проверка синхронизации линий курса и скорости! Проверка встроенных приборов и ручных часов! Проверка линий целеуказания! Проверка освещения!..

Шубин подошел к телеграфу:

– Проверка машин и телеграфа командиром корабля!

Двумя руками перевел ручки телеграфа в положение «вперед полный», потом в положение «назад полный» и, наконец, «стоп». Из ПЭЖа мгновенно отрепетовали поданные команды.

– Окончена проверка машин и телеграфа командиром корабля!

– Машины к даче хода готовы! – доложил командир электромеханической боевой части.

Чтобы не мешать старпому готовить корабль, Шубин спустился в каюту. Иллюминатор был уже задраен и прикрыт броняшкой. Присел за рабочий стол. Взгляд остановился на фотографии жены, прикрепленной к переборке над рабочим столом. Перед выходом в море Шубин всегда улучал минуту, чтобы забежать в каюту и посмотреть в глаза Ладе. Он почему-то верил, что жена на фотографии всегда меняет выражение глаз в зависимости от того, насколько удачно сложится у него поход. В этот раз Лада смотрела весело, и в уголках глаз он не заметил той грустинки, какую видел иногда раньше. Что ж, значит, в этом походе у него действительно все сложится хорошо. Не удержавшись, погладил ладонью фотографию. Потом спрятал ее в верхний ящик стола. Сами же ящики, чтобы не повывлетали на качке, закрыл ключом. Уже уходя, машинально поставил стоявший на столе графин с водой в штормовое гнездо, что поделать – выработанная годами привычка.

Через полчаса оперативный дал окончательное «добро» на выход. На 16-м международном канале Шубин вышел на связь с «Новороссийск-трафик-контролем». Новороссийск – это прежде всего огромный грузовой порт, поэтому все выходы надо согласовывать во избежание столкновений с не слишком дисциплинированными танкерами и сухогрузами. «Трафик-контроль» разрешение дал.

По «Костроме» разнеслись звонки аврала:

– Баковым – на бак, ютовым – на ют! Стоять на аварийном управлении машинами. Источники электроэнергии не переключать. Корабельной вахте заступить по-походному. Корабль к отдаче швартовых изготовить! Трап поднять! Трап завалить!

Шубин перещелкнул тумблер «каштана» в положение «циркуляр»:

– Исполнять приказания основного машинного телеграфа. Назначенный ход – 10 узлов!

Кормовые швартовые отдать!

Вышел на крыло мостика, чтобы самому руководить отходом.

Отдали швартовы, после чего «Кострома» медленно оторвалась от стенки.

– Ну что, милая, поехали! – произнес вполголоса Шубин и уже громко заступившим вахтенным офицерам Марченко: – Обе малый вперед!

По корпусу «Костромы» пробежала нервная дрожь, как у старого боевого скакуна перед боем. Освобожденная от береговых пут, она медленно двинулась на выход из военного аванпорта.

12 МАРТА 2015 ГОДА.

СТОЛИЦА ИГИЛ ГОРОД РАККА

В неприметном с виду старом доме, что неподалеку от больницы Нешнел, встретились два бородатых молчаливых человека в белых одеждах. поприветствовав, по арабскому обычаю дважды прикоснулись к щеке друг друга. Рассевшись на диванах, они молча отпили поднесенный холодный шербет, обменялись несколькими фразами о здоровье друг друга и о погоде и только затем, как это принято на Востоке, перешли к делу.

– Гяуры снова перешли в наступление. Мы теряем в последние дни много техники и людей как в Алеппо, так и в Пальмире, – начал разговор исполнительный помощник халифа муавин-ут-тафвид. – Если так пойдет дальше, то последствия будут самые печальные. В этих условиях тебе, брат, следует предпринять что-нибудь особое, чтобы вздрогнул весь мир!

– О, досточтимый, тебе прекрасно известно, что наши люди, жертвуя собой, почти каждую неделю устраивают акции устрашения и на Востоке, и в Европе! – ответил ему глава совета разведки, не скрывая обиды на услышанные слова.

Помощник халифа вряд ли озвучивал свои мысли. Он лишь озвучивал то, что сам услышал из уст халифа. А это значило, что халиф недоволен своей спецслужбой. Муавин-ут-тафвид, давая собеседнику прочувствовать всю важность сказанного им, выдержал паузу.

– Это все комариные укусы, о которых мир забывает уже через несколько дней, – наконец разлепил он уста, откинувшись на подушки дивана. – Нужно нечто иное, глобальное, чтобы от этого содрогнулся весь мир.

– Увы, но, как вам хорошо известно, мы еще не завладели ни ядерной бомбой, ни мощной ракетой, чтобы обрушить гнев Аллаха на головы «крестоносцев»!

Главный разведчик халифата явно нервничал, что доставляло его собеседнику удовольствие.

– Да, уран гяуры стерегут как собаки, но только ли уран может стать оружием возмездия? – поставил муавин-ут-тафвид на столик пиалу с шербетом.

Главный разведчик напрягся. Судя по всему, у муавин-ут-тафвида была какая-то важная информация для него. Он пристально смотрел на собеседника, но тот не торопился. Он снова медленно взял пиалу и, только отпив из нее, продолжил:

– Повелитель правоверных считает, что есть другой способ. Сейчас «крестоносцы» усиленно вывозят из Сирии химическое оружие на своих судах. А ведь каждое такое судно – это огромная химическая бомба, причем самоходная! Если захватить такой транспорт и подвести его к берегам Европы и взорвать, не надо будет никакой атомной бомбы. Европа просто исчезнет, а с ней сгинут и миллионы неверных.

Главный разведчик вздохнул. Несколько месяцев назад он и сам подумывал о такой диверсии, но наступление солдат Асада и разрушительные бомбежки русских самолетов заставили заниматься более прозаическими вопросами.

– Такая операция очень сложна и затратна как по силам, так и по средствам. Ее надо очень серьезно готовить, а на это нужны люди и деньги, а самое главное – время!

– Все это так. Но игра стоит свеч, тем более что большую часть химического оружия из Сирии уже вывезли, и следует поторопиться. Людей и денег ты получишь столько, сколько потребуется, а вот со временем надо будет поторопиться. Халиф желает, чтобы Европа навсегда исчезла в облаке ядовитых газов, ибо, как сказано Аллахом: «Отсекайте их руки». Обрушь на головы гяуров удар возмездия, и твое имя навсегда останется в золотых скрижалях халифата. Такова воля повелителя правоверных!

– Почту за честь, досточтимый. Кстати, чтобы гяуры не перехватили наши переговоры, необходимо зашифровать операцию. Предлагаю называть ее «Дервиш», – глава совета разведки машинально теребил свою клочковатую рыжую бороду.

Помощник халифа улыбнулся. Он свое дело уже сделал – передал волю халифа. Остальное не его забота.

– Пусть будет по-твоему. Мы, как нищие дервиши – придем к берегам Европы и уже там во весь голос провозгласим начало своей эры, – поднялся муавин-ут-тафвид. – Скоро солнце минует зенит, и тени всего сущего станут длиннее их самих – наступает время Зухры, и следует подготовить сердце и душу для общения с Аллахом! Ты же, брат, ступай и убивай многобожников, которые сражаются против вас, где найдешь их, и изгоняй их оттуда, откуда они изгнали вас!

– Да будут услышаны Аллахом наши молитвы! – поднялся и глава совета разведки, так и оставшийся циником и не слишком любивший наигранную патетику своего руководства.

Глава совета разведки Керим Рабах (по прозвищу Убар Каид – хищник, строящий козни) был человеком весьма и весьма влиятельным. Он отвечал не только за собственно разведку ИГИЛ, но и за организацию терактов по всему миру. Именно в его руках были нити всех подпольных ячеек, финансовые каналы и прочие тайны, которыми окружена вся деятельность ИГИЛ. Керим был из бывших офицеров спецслужбы Саддама Хусейна. Профессионал своего дела, он истово ненавидел американцев, а вместе с ними и всех прочих «крестоносцев», не раз на деле доказав свою преданность идеям халифата, а потому пользовался полным доверием самого халифа, который, помимо всего прочего, именно ему поручил и обеспечение собственной безопасности. Звездным часом Рабаха стала подготовленная им атака 11 сентября 2012 года американской дипмиссии в Бенгази, которую он приурочил к очередной годовщине подрыва нью-йоркских небоскребов-близнецов. Тогда был убит посол США в Ливии Кристофер Стивенс и ряд его помощников. Акция получила нужный резонанс по всему миру, а Рабах – заслуженную ненависть врагов и восхищение соратников. Теперь же ему предстояла акция, в сравнении с которой убийства в Бенгази казались невинной детской шалостью. Уже прощаясь с муавин-ут-тафвидом, Керим знал, кого поставит во главе будущей операции. Этим человеком будет бывший офицер ВМС Сирии по прозвищу Сейфуддин Ямм (Морской меч), вот уже несколько лет сражающийся на стороне ИГИЛ. За плечами Сейфуддина были координация сомалийских пиратов и показательные казни захваченных французских моряков, взрыв шаланды с ливийскими беженцами у побережья Италии и еще несколько показательных морских акций. Но подлинную известность он получил как организатор речных флотилий ИГИЛ на Тигре и Евфрате. «Морской меч» был профессионалом высочайшей пробы, к тому же настоящим воином джихада, не знающим жалости ни к чужим, ни к своим. Лучшего руководителя для операции «Дервиш» было невозможно и пожелать.

12–15 МАРТА 2015 ГОДА. ЧЕРНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Когда огни Новороссийска остались позади, когда миновали внешний рейд с десятками стоявших там в ожидании погрузки океанских танкеров, Шубин приказал перейти на боевую

готовность два. Марченко передал вахту командиру артиллерийской боевой части, но остался в ходовой. Правила многовекового корабельного этикета гласили, что сменяющий на вахте должен принимать ее чуть раньше, чем положено, а сдающий – своего сменщика сразу же не покидать.

Накинув старую потертую канадку, Шубин вышел на крыло мостика и, куря сигарету, прислушивался к убаюкивающему шуму машин. Судя по всему, старушка «Кострома» была вполне довольна происходящим, а потому мурчала своими машинами, словно большая добрая кошка.

Выходя иногда в море на других десантных кораблях бригады, Шубин всегда сразу чувствовал их отличие от своей «Костромы». Нет, эти корабли не были лучше или хуже, они, при всей внешней схожести, просто были совершенно иными. В том, что каждый корабль имеет собственную душу и собственный характер, Шубин был уверен на все «сто». Да и как могло быть иначе! Спросите любого автолюбителя, и он вам на голубом глазу расскажет, что у его «ласточки» (или «цыпочки») особый характер, и если она заупрямится, то тогда пиши пропало, т. к. не поможет ничего, ну а если ее попросить, да еще поцеловать в рулек, тогда его «ласточка» (или «цыпочка») и горы свернет! Что же вы тогда хотите от современного боевого корабля, который в сравнении с примитивной «ласточкой» есть само совершенство человеческой технической мысли! Ему ли не иметь собственные душу и характер!

Непонятно было всегда Шубину и то, почему корабли в русском языке отнесли вдруг к мужскому роду. Это он считал вопиющим кощунством. С гражданскими судами поступили и того хуже, их вообще причислили к некоему среднему роду, тогда как на самом деле (и Шубин об этом знал точно!) все существующие в мире корабли и суда имели не мужскую, а исключительно женскую душу. Да, познать эту душу было весьма непросто, но если твой корабль все же однажды открывал ее тебе, если ты оказывался достоин этого высочайшего доверия, значит, отныне ты составлял со своим кораблем уже единое неразрывное целое. Кроме того, Шубин знал и то, что корабельная душа отвечала на человеческую любовь к кораблю и морю такой ответной преданностью и такой любовью, на которую способна далеко не каждая женщина. А потому, оставаясь в море один на один со своей «Костромой», Шубин часто разговаривал с ней, отечески корил за допущенные промахи, хвалил за успехи, придумывал ласковые прозвища, а порой, под настроение, даже рассказывал анекдоты. Его отношения с кораблем были настолько личными, что о них он никогда не рассказывал никому, даже жене. Наверное, это была его самая сокровенная тайна.

– Товарищ командир, можно по трансляции «нашу» поставить? – запросили из радиорубки.

– Давайте! – отозвался Шубин. – Пока время есть, можно и послушать.

«Нашей» на корабле считали старую-престарую песню Визбора про пароход «Кострома». И хотя та, визборовская, «Кострома» никакого отношения к шубинской не имела, экипаж считал ее своим гимном. Песню любили и матросы, и офицеры, любил ее и сам Шубин, к тому же, как ему думалось, любила эту старую песню и сама «Кострома». Да и кому же не понравится, когда о тебе поют!

Запахнувшись в канадку, Шубин вернулся в ходовую рубку и поудобнее уселся в командирском кресле.

Стоявший вахтенным офицером командир БЧ-2 Витюков, знавший обо всем на свете, втолковывал Марченко о преимуществах и рисках биткоинов.

– Ферма, конечно, здорово, но где ты найдешь столько мощных компьютеров, да еще с мощнейшей системой охлаждения!

Шубин прислушался краем уха и ничего не понял. Какие фермы? Какие биоткоины? Будучи по натуре человеком любознательным, ему, конечно, интересно было бы узнать, о чем так увлеченно разговаривают подчиненные офицеры, но чувство субординации не позволило

здать могущий показаться глупым вопрос. Вообще-то, артиллерист должен был наблюдать за обстановкой, а не точить лясы со сменившимся старпомом. Но ситуация была спокойной, и Шубин решил: пусть поболтают.

А из динамика уже звучало:

...То ли снег принесло с земли,
То ли дождь, не пойму сама,
И зовут меня корабли:
«Кострома», кричат, «Кострома».
Лето мне, что зима для вас,
А зимою – опять зима,
Пляшут волны то твист, то вальс,
«Кострома», стучат, «Кострома».
И немало жестоких ран
Написали на мне шторма,
Как рыбацкий глубокий шрам —
«Кострома», уж ты, «Кострома»...

Над морем опустилась ночь. Тяжело переваливаясь в волнах, «Кострома» шла вперед. Шубину не спалось в каюте, и он поднялся в ходовую. Ночью в ходовой рубке темно. Лишь слабо мерцает подсветка приборов да индикатор кругового обзора навигационной станции. Полумрак и ощущение близости моря располагали к раздумьям.

...Его «Кострома» была уже немолода. Три десятка лет для корабля – возраст весьма почтенный. Большие десантные корабли проекта 775, к которым принадлежала «Кострома» строились в 70—80-х годах поляками в Гданьске в рамках Варшавского договора. Говорят, что электрокабели на них укладывал тогдашний электрик «Stocznia Polnosna», а потом лидер «Солидарности» и президент Польши Лех Валенса.

По задумке конструкторов, «семьсот семьдесят пятые» предназначались для действия в океанах и могли высаживать технику с десантом как на оборудованное, так и необорудованное побережье. Внешне корабли 775-го проекта получились весьма симпатичными – стремительные обводы и хищно вытянутый корпус с длинным полубаком и развитой кормовой надстройкой. Вид несколько портил лишь тупой нос, являющийся одновременно и десантными воротами. Когда ворота открывались, взору любопытствующих открывалась выкрашенное грунтовкой нутро трюма, весьма схожее с пастью гигантской рептилии. По этой причине 775-е на флоте шутили именовали «крокодилами». Шубину такое сравнение не нравилось, и он всегда довольно резко одергивал шутивших на эту тему.

Несмотря на относительно небольшое водоизмещение в четыре тысячи тонн, 775-е брали на борт до двух сотен десантников и до 10 единиц техники. При этом размещение десантников было вполне комфортным. Рядовой состав – в просторных кубриках, офицеры – в уютных 2-местных каютах. Артиллерийское вооружение «крокодилов» состояло из спаренной 57-мм артустановки и двух 30-миллиметровых шестиствольных зенитных установок АНА-630. Помимо этого БДК имели РЛС обнаружения воздушных целей и две навигационные станции. Два дизеля разгоняли корабль до 18 узлов, ну а при экономичном ходе БДК мог пройти до 4 тысяч миль. Экипаж 775-х насчитывал 75 человек, из них 8 офицеров.

У «Костромы» была важная особенность – она имела две выдвижные рулевые колонки, позволяющие легко швартоваться при малом ветре. При этом она имела малую парусность и отличную маневренность. Ходовая рубка на «Костроме» была достаточно просторная. Вахтенный офицер стоял обычно слева у машинного телеграфа. Рядом находился столик, на котором он ведет карту обстановки. Тут же был и боевой пост рулевого. В правом углу ходовой рубки

находилось командирское кресло, в котором командир был обязан дневать и ночевать почти все время нахождения корабля в море. Позади ходовой рубки располагался ГКП со штурманской выгородкой. Там стоял автопрокладчик, располагалась аппаратура определения места корабля в море от старой «Декки» до новейших импортного «GPS» и отечественного «ГЛОНАСС», полки с лощиями, навигационными пособиями и астрономическими таблицами. На ящиках под автопрокладчиком – стопка навигационных карт Черного, Средиземного и Эгейского морей, проливной зоны. Там же маленький диванчик, на котором штурман мог иногда немного подремать.

Каюта командира на второй палубе, почти на миделе. От нее по трапу недалеко на ГКП и в ходовую рубку. По меркам военного флота командирская каюта весьма приличная: основной кабинет, небольшая спальня и санузел с дешевой кабинкой. Рядом каюты старшего помощника и заместителя по работе с личным составом. Тут же по правому борту и кают-компания. Кают-компания на «Костроме» просторная и уютная: справа – столы офицеров, слева – мичманов. Сзади – кресла старпома гарсунка. На стенах картины с среднерусскими пейзажами, видами Волги и Костромы, ну и конечно же родного Шубину подмосковного Домодедова, памятные вымпела, планкетки и телевизор. Офицеры и мичмана располагаются в каютах на второй палубе по двое в каюте. Кубрики матросов на первой нижней палубе. Живут по восемь-десять человек. Там же по правому борту камбуз и столовая личного состава. В столовой на переборке еще один телевизор, а также стенды наглядной агитации.

Служба на больших десантных кораблях на флоте никогда не считалась особо престижной. То ли дело подводники, которые уже герои по определению. Не менее почетной всегда считалась и служба на больших ударных кораблях – крейсерах и эсминцах, тут и интересные походы с визитами и заходами в зарубежные государства, и у начальства всегда на виду. Ну а ритуалы, выправка, организация службы – тут с крейсерскими и поставить никого рядом было нельзя. Крейсерская организация – это классика флота! Командиров «линейных кораблей» начальство всегда знало поименно, а потому и двигало их вперед куда активнее, чем всех остальных.

Менее престижной считалась служба на ракетных катерах и МРК, но и там имелись свои плюсы. Как правило, «москитный флот» далеко не ходит, у них, собственно, и задача – выскочить в море, пухнуть ракеты и обратно в базу, к тому же «за нервность» катерникам еще были положены и особые бортпайки (как подводникам вино). Самыми несчастными на флоте традиционно считались оворцы. ОВРа – вечные чернорабочие флота и в каждой бочке затычка. Помимо своих непосредственных задач по поддержанию противолодочной и противоминной обороны в районах базирования на них старались навесить все, что только можно: обеспечение погружений и всевозможных испытаний, слежение в зоне ответственности и вытеснение натовских разведчиков, охрана рыболовства, закрытие районов и т. д. и т. п. Не зря на флоте говорят: кто в ОВРе не служил, тот и флота не видел. На БДК, конечно, оворского аврала не было, и служба выглядела более размеренной. БДК – все же корабли второго ранга, с правом поднятия гюйса, бытовые условия приличные, штатные категории соответствующие. При этом своя специфика имелась. Так, если во время стоянки в базе БДК часто использовали как плавучие гостиницы для всякого рода командировочных офицеров, то на выходах в море зачастую вместо плановой боевой подготовки задействовали в перевозках не только военных, но и сугубо гражданских грузов. Да и в плане продвижения по службе офицеров с десантных кораблей всегда как-то оттирали, полагая, что у них и опыта боевого недостаточно, и военный кругозор не тот. А зря, ведь именно офицеры десантных кораблей, как никто другие, тесно взаимодействовали с морской пехотой, находясь как бы на стыке двух стихий. А любой серьезный ученый всегда скажет, что именно на стыке наук и рождаются сегодня наиболее смелые идеи и настоящие открытия. Но кому до этого на флоте есть дело! Впрочем, если бы можно было повернуть время назад, то он (Шубин это знал точно!) не поменял бы свои десантные

корабли ни на какие коврижки! Он твердо знал, что каждый мужчина рождается не просто так, а для какого-то одного, самого главного дела в своей жизни. Кто-то должен непременно стать летчиком, кто-то командовать подводными атомоходами или ракетными крейсерами, он же, Шубин, родился именно для того, чтобы командовать большим десантным кораблем, не больше, но и не меньше.

Обо всем этом сейчас думалось ему, стоя на крыле мостика. Докурив сигарету, выбросил ее за борт. Холодный ветер бил в лицо, а пенные гребни черных ночных волн доказывали, что баламут Собора действительно накликать если не шторм, то уж хорошую болтанку на подходе к Босфору. Впрочем, у Босфора погода почти всегда была дрянной, то ветер, то туман.

На сигнальном посту, располагавшемся на крыше ходовой рубки, маячила фигура сигнальщика, всматривавшегося в подступавшую к кораблю темноту. Увы, несмотря на все сегодняшние достижения радиолокации, человека, по-прежнему никто и ничто заменить не могло. Поежившись на пронизывающем ветру, Шубин еще с минуту стоял, облокотившись на ограждение мостика. Небосклон стал немного светлеть в преддверии утра, и море приобрело какой-то особый красноватый оттенок.

– Лукашев, как настроение? – задрал голову, обратился он к сигнальщику.

Лукашев, смысленный старшина 2-й статьи из Майкопа, нравился Шубину своей обстоятельностью и серьезностью.

– Нормальное, товарищ командир!

– Не мерзнешь?

– Да нет, мы же опытные, оделись, как снеговики на Новый год.

– Ну, бывай! Смотри и бди у меня в оба глаза! – отдраив кремальеру ходовой рубки, Шубин шагнул в ее манящее тепло.

Вызвав рассыльного, приказал приготовить себе с вахтенным офицером крепкий чай. Подумав, заказал третий стакан для сигнальщика.

Стекло заливало дождем. «Кострома» то тяжело проваливалась вниз, то, наоборот, упорно взбиралась на очередной морской вал. Шубин прислушался, «Кострома» начала слегка поскрипывать.

– Не ругайся, девочка моя! – сказал он ей. – Потерпи немного, мы с тобой еще не такие шторма переживали!

Прислушался. Скрипа вроде бы больше не было. Значит, не обиделась.

– Прошу «добро»! – в ходовую поднялся старпом.

– Михалыч, ты пассажиров по каютам распределил, постельным бельем обеспечил, распорядок довел, галюны показал! – повернул голову к стоявшему у машинного телеграфа старпому.

– Так точно! – бодро отозвался тот. – Все в лучшем виде! И обеспечены, и проинструктированы!

– Штурман доложил, что погода скоро испортится, – добавил он после некоторой паузы.

– Да, обещают усиление ветра. Кстати, пошли боцмана еще раз проверить крепление техники в твиндеке. – Шубин повернулся в сторону вахтенного офицера. – Витюков, объяви о приготовлении корабля к плаванию в штормовых условиях.

– Корабль к плаванию в штормовых условиях приготовить! Отсечные двери, горловины, иллюминаторы задраить. Выход на верхнюю палубу личному составу и пассажирам запрещен! – весело объявил тот по трансляции.

– С чего ты, Игорь Евгеньевич, такой веселый? – удивился Шубин.

– А как же, товарищ командир! – рассмеялся командир артиллерийской боевой части. – Помните старика Макарова: в море – дома, а на берегу – в гостях!

– Действительно, что-то последнее время мы в гостях не засиживаемся. Все время дома и дома!

– Товарищ командир, прошу «добро» обойти корабль, глянуть хозяйским глазом, что и как! – обратился Марченко.

Шубин молча кивнул.

Старпом Марченко Шубину нравился своим всегдашним оптимизмом и той кажущейся легкостью, с которой он служил. Марченко был коренным крымчанином, с детства хотел быть военным моряком, но поступил и окончил училище Нахимова уже при украинской власти, а потому и попал служить в ВМСУ. При этом, как он сам с иронией говорил, что мечтал о настоящей морской службе, а попал в дешевый шапито. Последняя должность Марченко в ВМСУ – старший помощник БДК «Константин Ольшанский».

К «незалежной» Марченко всегда относился с плохо скрытой иронией, доказывая сослуживцам, что материковая Украина – это одно, а Крым – совсем другое. Принципиально отказывался Марченко и от внедрения в корабельную практику украинского языка, за что имел постоянные неприятности от начальства. Когда же на него особенно наседали, он отбивался так:

– Неужели вы не понимаете, что на флоте есть легендарные команды. Вы только послушайте, как звучит: «Медь драить, резину белить, барашки расходить и смазать!» Это же поэзия, а не команда! А теперь та же команда, но на «рідной мове»: «Мідь драїти, гуму білити, баранчики розхитати та змастити!» Почувствовали разницу! Тут уж ни о какой песне нет и речи, какие-то то ли гумы, то ли гумусы, с розхитаченными да змаститенными баранчиками. Не команда, а бред собачий! А когда вместо «электропитание корабля» говорят «электрохарчування»! Ну, не приспособлен украинский язык к морской терминологии, да и к самой морской жизни. Хоть дословно переводы на украинский русские слова, хоть придумывай новые, все равно ни черта не получится, потому как не дал бог Нептун своего благословения Украине на морской язык. Не дал! И никто из смертных изменить это решение не сможет.

Слыша такую ересь, украинские начальники за сердце хватались, как это они раньше не выявили такого «клятого москаля».

Именно поэтому в служебной характеристике Марченко значилось: «Несмотря на отличные профессиональные качества, склонен к демагогии. Украинского языка и истории независимой Украины не знает, изучать язык отказывается и украинцем себя не считает. По этой причине на самостоятельную командную должность назначен быть не может». Так как никакого будущего с такой характеристикой в украинском флоте Марченко не светило, он стал подумывать об увольнении, но тут грянула «русская весна» 2014 года.

В первый день киевского шабаша Марченко, вместе с остальными «ольшанцами» не понимая, что происходит, обвесил леера матрасами и ждал вооруженного захвата корабля. На предложение местных ополченцев решить вопрос миром вместе с другими кричал: «Русские не сдаются!» Но уже через сутки, поняв, что к власти на Майдане прорвались откровенные фашисты, что флот майдановской Украине не нужен, лично пустил ополченцев на борт корабля, а еще через двое суток первым в украинском флоте написал рапорт о переходе под Андреевский флаг, о чем никогда после не жалел.

Первое время бывшие «украинцы», получившие прозвище «интегрированные», на Черноморском флоте держались особняком, вели между собой разговоры, что всех их как чужаков непременно демобилизуют. Но ничего подобного не произошло. Черноморцы отнеслись к новому неожиданному пополнению вполне дружески и с пониманием. Лед недоверия быстро растаял, и теперь все стало на свои места.

Что касается Марченко, то его сразу же отправили учиться в Питер на командирские классы. Вернулся он оттуда уже другим человеком. Шубину было смешно, когда Марченко с мальчишеским восторгом рассказывал о том, как их возили на ознакомительную экскурсию на Северный флот и какие он увидел там огромные корабли и преогромные атомные подводные лодки.

– Вот это мощь, вот это сила! – говорил он и снова начинал бесконечный рассказ об огромных кораблях. – А я думал, что весь российский флот – это ЧФ!

По возвращении с классов Марченко и назначили к Шубину, так сказать, отдали на воспитание и обучение.

На корабле Марченко был всего ничего – меньше года, но за это время показал себя толковым и расторопным, быстро сдал все зачеты, а затем и на допуск к управлению кораблем. Марченко даже не скрывал, что мечтает встать к ручкам телеграфа. После поездки на Северный флот Марченко заболел северными просторами. Сейчас помощник с замиранием сердца ждал ответа на рапорт о переводе на Северный флот. Шубин знал, что рапорту старшего помощника дали ход, и с сожалением думал, что ему уже не придется передавать «Кострому» в руки своего воспитанника.

– Ну, а ты что хотел! Поставил на крыло, так дай простор! Такова уж наша командирская доля! – сказал ему командир «Новомосковска» Сережа Комаров, которому он недавно пожаловался, что придется закатывать рукава и готовить нового преемника.

Шубин вообще искренне любил свой экипаж, который не один год создавал и пестовал, а потому каждый из его подчиненных уже давно являлся частью его самого. Все они были настоящими профессионалами своего дела. Шубин знал сильные и слабые стороны каждого, гордился их увлечениями и талантами.

Заместитель командира «Костромы» по работе с личным составом капитан 3-го ранга Алексей Ильич Матюшкин славился особой способностью общаться с высоким начальством, а также умением организовывать шумные застолья, куда он добровольно-принудительно созывал всех друзей с их чадами и домочадцами.

– Ты знаешь, – звонил он очередному другу. – Все уже собрались и ждут только тебя! Так и говорят: пока ты не приедешь, мы ни есть, ни пить не будем!

Многие велись на эту нехитрую уловку, хватали такси и мчались в гости, полагая, что они действительно столь популярны. Впрочем, столы у Матюшкина всегда ломились, компании были веселыми, и никто никогда не жалел о его нехитрых уловках.

За глаза и на корабле, и в бригаде Матюшкина звали просто «наш Ильич». Он о своем прозвище знал и гордился им.

– В нашей истории было два Ильича, я третий! И, заметьте, все люди достойные! – говорил Матюшкин каждому, кто интересовался происхождением его звучного отчества.

Штурман корабля капитан-лейтенант Дима Наумов был потомственным моряком и коренным бакинцем, гордившимся своими густыми черными усами и неподражаемым баиловским диалектом, хотя был увезен из Баку еще в детстве. На «экспрессе» он слыл признанным знатоком восточной кухни. Никто не мог лучше Наумова приготовить не только традиционные пашлык с пловом, но и экзотические «тайские супчики», которыми он не раз выручал страждущих с похмелья товарищей. К своей профессии Наумов относился творчески. За немалые деньги купил телескоп и иногда звездными ночами часами всматривался в небо, что-то пометая в своей особой «звездной» тетрадке. В последнее время Наумов был серьезно озадачен проблемой электронных навигационных карт стандарта «S-57». Дело в том, что в отделе гидрографии базы пустили слух, будто они вот-вот появятся на каждом корабле.

– Вообще будем балдеть, свесив ножки! – просветил Наумова продвинутый гидрометеоролог. – Их даже корректировать не надо. Представляешь, каждую неделю тебе по электронке приходят новые варианты. Стукнул по клавише, и она уже перед тобой, родимая!

Теперь все свободное время штурман проводил с описанием обеспечивающей программы «Chart Assistant». В описании все выходило красиво и безмятежно. Но на душе штурмана было тревожно. Именно так на заре нулевых, с появлением космической связи на торговом флоте, все начиналось для радистов, а потом их просто разогнали за ненадобностью. Что, если и штурманов ждет такая же участь? За себя лично Наумов не беспокоился, школьные

одноклассники-бакинцы, давно и крепко осевшие в нефтяном бизнесе, его не бросят. Но за державу и профессию душа болела, а потому Наумова не радовали ни «тайские супчики», ни любимый коньяк «Амирани».

Командир БЧ-2 капитан-лейтенант Игорь Витюков имел репутацию ниспровергателя всех авторитетов и был рьяным спорщиком на всевозможные темы – от теории всемирного заговора до практики выведения кроликов. При этом Витюков помнил наизусть массу старых приказов и директив, цитируя которые мог поставить в неловкое положение любого проверяющего. Поэтому проверяющие, натолкнувшись на строптивость Витюкова, «закусывали удила» и отрывались на строптивце по полной. Витюков после таких проверок неизменно попадал в приказы, долго страдал, каждый раз клялся, что отныне не будет лезть на рожон. Но, как только появлялись очередные проверяющие, все повторялось. Спасал Витюкова только его высочайший профессионализм, о котором все знали и который все ценили. А еще у командира БЧ-2 была тайная страсть... по ночам он писал стихи. Игорь записывал их в заветную тетрадку, которую прятал под подушку. Увы, на корабле, как в общей бане, все знают и видят все. Поэтому за глаза артиллериста в экипаже именовали не иначе, как «наш славный пиит». Особой популярностью пользовалось при этом стихотворение про «Зайку»:

Зайку бросила хозяйка,
Обманула, сука, Зайку.
Поигралась и забыла,
Сердце Зайкино разбила!
Зайка спился, опустился,
Но с обидой не смирился.
Отомстил он ей жестоко —
Порубил ее в капусту...
Потому что надо было
Уважать чужие чувства!

Для более изысканного слушателя у Витюкова имелось еще одно более лиричное:

Своих привычек вредных не стыдись.
Курение, вино, порывы страсти,
Конечно, укорачивают жизнь —
Но могут продлевать мгновенья счастья!

Командир боевой части связи капитан-лейтенант Даниил Морозов. Флот любит с юности. Родители мечтали сделать из сына второго Паганини, но Даниил выбросил скрипку и бежал в Нахимовское училище. Впрочем, любовь к прекрасному в нем осталась навсегда. К скрипке он так и не вернулся, зато в свободное время теперь вместе с женой любит попеть в кафе караоке.

Командир электромеханической боевой части капитан 3-го ранга Коля Каланов был ровесником Шубина, поэтому свою механическую кличку «дед» носил вполне обоснованно. В машине Каланов появлялся нечасто, но руку на пульсе держал и все обо всем знал. Когда было надо, он засучивал рукава и вместе с подчиненными сутки напролет крутил гайки. Каланов никогда не кричал, не повышал голоса, но авторитет «деда» был непререкаем. Достаточно было лишь его взгляда, чтобы провинившийся был готов провалиться сквозь палубу. На Черноморском флоте Каланов был известен как собиратель и рассказчик флотских баек и легенд. Экипаж гордился, что в журнале ВМФ «Морской сборник» была опубликована его нашумевшая статья «Гносеологические корни “большого загиба” Петра Великого». Если кто не знает, то «большим загибом» именовались матерные выражения моряков русского парусного флота,

выстроенные в определенной последовательности. «Большой загиб» имел до сотни выражений, которые надо было произносить без повторов, с выражением и на одном дыхании. Что касается автора нашумевшей статьи, то он и без «загиба» выражался весьма образно. Так, на приеме у зубного механик говорил, что у него болит «кормовой коренной сверху, который справа по борту». Именно Каланова не без оснований подозревали и в авторстве самой знаменитой легенды «экспресса» о «Летучем сирийце». Была у Каланова и еще одна детская страсть, над которой втихаря подсмеивался весь экипаж. Вся каюта у Каланова была заставлена всевозможными... зелеными божьими коровками. Почему механик коллекционировал именно божьих коровок и почему именно зеленых, не мог объяснить и сам Каланов.

Непосредственный подчиненный Каланова старшина трюмно-котельной команды старший мичман Саша Рубцов попал на корабль еще матросом срочной службы да так на корабле и остался. Рубцов слыл фанатом старой техники. В свободное от службы время он упивался книгами о... старых паровозах, чем вызывал всеобщее недоумение.

На логические вопросы, почему он, правоверный мичман российского флота, любит не пароходы, а паровозы, Рубцов, поправляя очки, пояснял:

– Все дело, господа, в том, что морские паро-ходы – это суть те же паро-возы, а паро-возы – не что иное, как паро-ходы! Вся разница лишь в оконечном устройстве – у одного колеса, у другого винт. Поменяйте их местами, и ничего не изменится.

Спорить с Рубцовым на эту тему никто не решался, и его сразу оставляли наедине с любимыми книжками по устройству паровых котлов.

Во время строевых смотров Шубин всегда старался Рубцова куда-то спрятать. В противном случае последствия были предсказуемы. Всегда взъерошенный, со сползающими на нос очками и ласковой улыбкой солдата Швейка, Рубцов вводил в состояние ступора любых начальников.

– А это что еще тут за интеллигент недоделанный! – обычно кричали они, обретая дар речи.

После этого Рубцова в обязательном порядке изгоняли из строя, а Шубин получал очередной выговор.

– Злые вы все! – вздыхал старший мичман, удаляясь в ПЭЖ, где над креслом вахтенного механика висел групповой портрет братьев Черепановых, а на столе ждал свежий номер журнала «Паровозъ». Там была его стихия, там он был счастлив.

Боцман старший мичман Володя Кулаков, в отличие от сложившегося стереотипа грубого и нахрапистого боцмана, слыл, наоборот, натурой тонкой, влюбленной в море и в свою красавицу жену. Кроме этого боцман фанатично увлекался жонглированием всего, что только попадалось ему под руку. Сослуживцам это нравилось, начальство пугало.

Увидев в первый раз жонглировавшего боцмана, комбриг только покачал головой:

– До чего ты, Шубин, корабль довел, если у остальных приличных командиров на кораблях просто бардак, то у тебя уже цирк!

Кулаков помнит Шубина еще лейтенантом. Они в один год пришли в бригаду. Боцман уже выслужил все сроки, заработал и пенсию, и квартиру. Осенью этого года собирается уволиться, чтобы больше времени уделить прождавшей его полжизни с моря жене.

Фельдшер старший мичман Сергей Теребов был известен тем, что мог легко вывести из запоя самого матерого алкоголика по какой-то своей «теребовской методе». Завистники-медики утверждали, что фельдшер с «Костромы» стаскивает с «иглы» и наркоманов, причем имеет свою постоянную клиентуру. Сам Теребов на все претензии лишь улыбался своей широкой доброй улыбкой:

– Как говорил старик Гиппократ: обращайтесь – поможем!

В целом экипаж «Костромы» был очень дружен, и зачастую офицеры и мичманы даже отдыхали вместе семьями, что вызывало у Шубина всегда неподдельное удивление: «Неужели за время службы еще друг другу не надоели?»

– **Товарищ командир! Телеграмма из штаба флота! – доложила радиорубка.**

– Несите в ходовую! – распорядился Шубин.

В телеграмме, за подписью начальника штаба флота, значилось, что боевики ИГИЛ могут обстрелять наши корабли или организовать диверсионные действия во время прохода через Босфор. В конце телеграммы начальник штаба требовал усилить бдительность и т. д. и т. п.

«Меры-то я приму, только по Босфору все равно идти придется, подставляя свои борта», – раздумывал Шубин, прочитав телеграмму.

Вместе с телеграммой из радиорубки принесли сводку погоды. Как и обещали, вот-вот ожидалось резкое усиление ветра и море до 5 баллов.

Стоявший вахтенным офицером капитан 3-го ранга Матюшкин, вооружившись микрофоном «каштан», объявил:

– В связи со штормовой погодой выход личного состава на верхнюю палубу запрещен! – подумав, добавил: – Обращаю особое внимание личного состава десанта и еще раз повторяю, что выход всего личного состава на верхнюю палубу строжайше запрещен!

Шубин невольно хмыкнул. Уж больно заместитель по работе с личным составом любит поговорить, вот и сейчас не удержался. Впрочем, такой повтор всегда не лишний.

– Прошу «добро» подняться в ходовую! – раздался через некоторое время голос боцмана Кулакова.

– Заходи, тезка! – полуобернулся к нему Шубин.

– Товарищ командир, докладываю, что техника и грузы в твиндеке закреплены по штормовому. Все лично проверил сам со старшим по технике! – доложил боцман.

Шубин кивнул:

– Добро!

Кулаков, стоя рядом, молча вглядывался во тьму ночного моря. Уходить ему явно не хотелось. По возрасту Шубин с Кулаковым были почти ровесниками, и поэтому взаимоотношения между ними наедине были достаточно неформальными.

– А помните, товарищ командир, как нас пытались украинизировать? – вдруг произнес боцман. – Кажется, вчера было, а ведь целая вечность прошла – четверть века!

– Ну да, – усмехнулся Шубин. – Были времена. Чего один Клим Подкова стоил!

Оба понимающе улыбнулись друг другу.

...В бригаде десантных кораблей Черноморского флота в 90-х украинизация проходила весьма своеобразно. Из Львова в окружении журналистов прикатил политкомиссар Клим Подкова (в недавнем прошлом передовой пасечник), который доходчиво объяснил собранным офицерам бригады, что все великие личности в истории человечества были исключительно украинцами. Особенно Шубину запомнился Ной как первый моряк-украинец и Иисус, который, оказывается, родился в Галичине. При этом Подкова не был голословен – он аргументировал:

– Якщо кращі генії людства – українці, значить наш флот найкращий! Україна це ваша матка, а ви її дітки-бджоли!

Присутствующие, слушая рассказы Подковы, чесали затылки, однако записываться в ряды последователей Ноя не торопились.

Подкова меж тем неистовствовал:

– Хто прийме українську присягу, того на небесах чекатимуть райські кущі, а хто залишиться в російському флоті, того чорти будуть смажити на сковорідці!

– А гурии будут? – иронично поинтересовались из задних рядов.

Подкова подвоха не понял. Прищурился, он оценил текущую ситуацию в райских кущах, а затем клятвенно ударил себя кулаком в грудь:

– І гурії будуть і інші всякі різні, тільки підпишіть текст присяги!

После чего, вздохнув, добавил ритуальное:

– Росія – це Мордор, Україна – це Європа!

Вечером Подкова отметился в кабаке «Пир духа» в компании местной певицы Розы Кривошук, по прозвищу Доска почета, т. к. на ней в разное время побывали многие лучшие люди флота. Пела Роза не очень, зато даже очень выделялась большой возбуждающей грудью. Подкова был нетрезв, плясал гопак, кричал о соборности незалежной и, подпрыгивая от нетерпения, отказывался идти в туалет, требуя, чтобы тот немедленно переименовали в «требник». Закончилось все трагически – Роза Подкову кинула, умчавшись в ночь с подвернувшимся лейтенантом, а политкомиссар, проиграв битву за «требник», «рясно обмочився». На этом агитация в военно-морские силы Украины на бригаде, собственно, и закончилась. На следующий день, не попрощавшись, Клим Подкова убыл во Львов.

К следующему утру погода начала быстро свежеть. Море покрывалось уже не отдельными барашками, а мощными пенными гребнями.

– Человек за бортом справа! – раздался внезапно истошный крик.

«Этого еще не хватало! – только и успел подумать Шубин. – Вытащу, самолично убью заразу!»

– Право на борт! Включить прожекторы! Искать упавшего!

О том, что на среднем ходу в открытом море да еще в такую погоду найти и спасти упавшего за борт – это один шанс из ста, он решительно запретил себе и думать.

– Спасательные средства за борт! Расчету БЛ в лодку! БЛ к спуску! – продолжал он командовать чисто автоматически.

К огромному счастью, сигнальщик заметил барахтавшегося вдалеке среди белых водяных гребней.

– Сигнальщик, наблюдать за упавшим! Осветить упавшего прожектором!

Обнаружение утопающего уже было настоящим чудом, учитывая обстановку. Теперь все зависело от того, успеет ли упавший человек продержаться до того времени, пока к нему подоспеет помощь.

Боевую лодку уже готовили к спуску на кран-балке.

Так как выпавший быстро оказался за кормой «Костромы», Шубин с помощью машины левого борта совершил циркуляцию вправо. С приходом корабля на обратный курс привел барахтавшегося в волнах на носовые курсовые углы, после чего застопорил машину и погасил инерцию хода. На все про все ушло несколько минут.

– Как там наш пловец? – не без тревоги спросил сигнальщика.

– Пока держится, товарищ командир! – ответил тот.

Спуск лодки боцман Кулаков произвел с ювелирным мастерством. Едва ее днище коснулось воды, уже затарахтел мотор, и «бээлка» под управлением боцмана сразу же помчалась к борющемуся за жизнь человеку.

Вооружившись биноклем, Шубин безотрывно смотрел то на появлявшуюся, то исчезающую среди разводьев пены голову, с замиранием думая, что вдруг в следующее мгновение ее уже не увидит. Тревожило и то, что волны относили упавшего все дальше и дальше от «Костромы». Вот лодка наконец подскочила к плававшему, вот Кулаков подцепил того за шиворот отпорником, потом матросы схватили за руки и втащили в лодку. Развернувшись так, что едва не была накрыта волной, «бээлка» помчалась обратно.

– Приготовиться к подъему лодки! Доктора на правый шкафут!

– Эшафот будем готовить? – мрачно поинтересовался стоявший вахтенным офицером командир БЧ-2 Игорь Витюков. – Или на нее вздернем?

Шубин промолчал.

Упавшего быстро подняли и сразу же, в сопровождении корабельного врача, потащили в медицинскую часть. «Кострома» немедленно легла на старый курс и, наверстывая упущенное время, дала полный ход.

Через минуту заместитель командира по работе с личным составом Алексей Матюшкин доложил:

– Упавший является водителем «скорой помощи», после прибытия на борт был проинструктирован и даже расписался о соблюдении всех корабельных правил, в том числе о запрете появления в штормовую погоду на палубе, но, несмотря на это, решили с еще одним водителем полюбоваться штормовым Черным морем. Хорошо, хоть второй не улетел, а поднял шум.

В ходовую поднялся доктор Рустем Еналеев.

– Как состояние утопленника? – с деланным спокойствием спросил Шубин.

– Охлаждение организма налицо, но мужик здоровый, а потому после растирания и пары стаканов «шила» жить будет. Однако задета не только кора головного мозга, но и, так сказать, сама его древесина!

– После падения? – не понял Шубин.

– После рождения! – со значением ответил Рустем.

– Повезло водиле, не иначе как в рубашке родился. Вручи ему на память о чудесном спасении теплый тельник, пусть нас помнит!

– Ага, товарищ командир, как тельник подарим, так и все остальные водилы разом головой вниз в море и побултыхаются в погоне за легкой наживой! – улыбнулся Рустем.

– А ты скажи, что это у нас последний, остальным только чугунные балясины, чтобы долго не мучились! – в тон ему ответил командир.

Доктор ушел, а Шубин некоторое время приходил в себя от пережитого, смотрел, как по стеклу окна ходовой рубки весело бежали вниз струйки дождя. Вначале их было мало, но вскоре они уже сплошным потоком заливали все стекло.

Вообще-то в обычное время на большие десантные корабли медицинским работником назначали фельдшеров в мичманском звании. Однако на корабли «экспресса» ввиду возможного начала в любой момент боевых действий часто прикомандировывали дипломированных врачей.

Что касается капитана медицинской службы Рустема Еналеева, по кличке Сбитый летчик, был он не только первоклассным хирургом, но и оригиналом. Парень он был боевой. За плечами дока были дизельные и атомные атомоходы, две операции по удалению аппендицита на боевой службе и многое другое. При этом Рустем отличался поразительным упрямством и абсолютным отсутствием чинопочитания. Эти его качества, помноженные на огромную любвеобильность, включавшую помимо множества мимолетных романов три или четыре женитьбы (сколько точно, док сам постоянно путал), поставили жирный крест на его карьере. В интимной жизни Рустем был мужчина достаточно скрытный. О том, что у него случился оргазм, девушки обычно узнавали только по двум полоскам на тесте... Но из-за умения энергично орудовать скальпелем до поры до времени Рустему многое прощалось. Только тогда, когда он обрюхатил дочку одного из североморских адмиралов и наглым образом отказался идти с ней под венец, заявив, что еще не нашел той единственной, которой навсегда отдаст свое медицинское сердце, только тогда был адмиральским пинком выброшен он на заштатную береговую базу под Новороссийск. Тогда-то в припадке меланхолии Рустем и вытатуировал на члене понравившуюся ему в одном американском фильме сакраментальную фразу «Приглашаю на борт!» Татуировка производила магическое впечатление на всех его новых подруг, снискав доку славу первого плейбоя окрестных мест.

Наверное, служебный путь Рустема Еналеева так бы и закончился на забытой богом береговой базе, но началась война в Сирии, раскошегарился «экспресс», понадобились опытные хирурги (которые, как известно, всегда в дефиците), тогда-то и вспомнили о ссыльном враче.

«Кострома» сразу пришлось Рустему по душе, как пришлось по душе и он старым «костромичам». На бербазу Еналеев возвращаться категорически не желал и фактически прижился на «Костроме», став полноправным членом экипажа. Как всякий уважающий себя доктор, Рустем жил непосредственно в лазарете. Там же рядом обитал и его неразлучный друг фельдшер Сергей Теремов.

– Ноги в тапочки всунул и уже на боевом посту! – говорили они не без гордости.

Медблок на «Костроме» был расположен слева по борту на первой нижней палубе. Рядом посредине первой палубы (чтобы меньше качало) располагалась и операционная.

Вскоре опыт и квалификация взяли свое, и Рустем стал неофициальным авторитетом местного военно-медицинского сообщества. Врачи с соседних кораблей валили пошущукаться к нему гурьбой. Кому-то он давал советы, кого-то чему-то учил, с кем-то просто пил и ходил по бабам. Впрочем, все «костромской док» делал одинаково профессионально. Шубин пытался однажды провести с Рустемом воспитательную работу относительно геометрически возрастающего количества женщин в его врачебной судьбе. На что Сбитый летчик, честно глядя в глаза, заявил:

– Вот вы, Владимир Михайлович, нашли ли ту, которой отдали навеки свое сердце?

– Разумеется, нашел, это моя жена!

– Значит, вы везунчик, – развел руками Рустем. – А я, увы, все еще пребываю в решительном поиске!

На этом Шубин воспитательную работу с врачом и завершил, ибо не следует мешать человеку в его творческих исканиях.

Он закрыл глаза. Ах, как бы он хотел оказаться сейчас рядом с женой и детьми в Севастополе, а еще лучше в родном Домодедове, дышать лесным воздухом Подмосковья и слушать пение птиц.

А погода разошлась не на шутку. Качало так, что с вахтенного столика полетели на палубу и карта, и вахтенный журнал с параллельной линейкой.

...«Хорошо, что водитель оказался за бортом на полчаса раньше, а то бы при таком дожде вряд ли его нашли», – думалось Шубину, глядя в заливаемое потоками дождя окно ходовой рубки. Слава богу, что сегодня он не нарушил главного морского закона – сколько людей ушло в море, столько должно и вернуться».

– Вызови ко мне майора Почтарева, водитель как-никак его креатура, – обернулся он к матросу-рассыльному. – И пусть вестовой принесет два «адвоката»!

«Адвокатом» на флоте традиционно именуют крепчайший сладкий чай с лимоном, который хорошо бодрит в ночную и промозглую погоду.

Поднявшийся по трапу в ходовую рубку Почтарев был явно подавлен происшедшим, и проводить с ним какую-либо воспитательную работу Шубину сразу расхотелось. Да и какой от этого толк, если через несколько суток они распрощаются и, скорее всего, уже навсегда.

Некоторое время оба молчали. Первым нарушил молчание Почтарев:

– Огромное спасибо, товарищ капитан 2-го ранга, за спасение водителя! Если бы не ваш опыт и мастерство, он бы наверняка погиб! – начал Почтарев свой оправдательный монолог.

– Если бы вы, майор, лучше контролировали своих людей, не понадобился бы ни мой опыт, ни мастерство! – не слишком тактично оборвал его Шубин.

– Да я все понимаю и своей вины не отрицаю! – еще больше понурился Почтарев.

– Прошу «добро»! – Это поднявшийся по трапу вестовой принес два дымящихся стакана чая в подстаканниках.

– Угощайтесь, наш флотский «адвокат» от всех напастей помогает, в том числе и от моральных! – грустно усмехнулся Шубин.

Из последующего разговора выяснилось, что Почтареву подчинили водителей «скорых» в самый последний момент перед погрузкой, и он даже не успел их толком рассмотреть, выяснилось, что у водителей есть свой старший, но толку от него никакого.

– Честно говоря, я впервые так, накоротке, общаюсь с настоящим сапером. Вот в чем, например, специфика вашей службы?

– Главная черта сапера – это прежде всего дружелюбие, – улыбнувшись, ответил Почтарев. – Сапер – добрый волшебник Вооруженных сил. Он всегда появляется в самый нужный момент, делает свое доброе дело и уходит помогать другим нуждающимся.

– Ну, а почему именно волшебник, а не помощник? – удивился Матюшкин.

– Настоящий сапер обладает тайными знаниями в области выкапывания, закапывания, взрывания и минирования. Если минное поле для танкиста и мотострелка это: «Все, пиз. ц, приехали!», то для сапера шестьсот килограммов тротила это: «Будет чем печку топить!» При этом мы традиционалисты и консерваторы. К современной технике относимся весьма спокойно, полагаясь прежде всего на старые добрые: лопату, топор и взрывчатку, с помощью которых и творим свое волшебство.

– Но ведь настоящие волшебники творят в одиночку, не так ли?

– Именно так, – кивнул головой Почтарев, – поэтому от того же мотострелка сапер отличается полным отсутствием чувства коллективизма, хотя при необходимости можем припахать всех, кого поймаем. Ну и конечно же мы свято чтим технику безопасности, ибо, как всем известно, сапер ошибается только раз в жизни. Ну а что характерно для вас, моряков?

Шубин на минуту задумался, почесал затылок:

– Да так сразу и не скажешь, в нашей большой стае много всякого разного. Пожалуй, что общее для всего флотского люда – повседневная неугомонность. Моряк – это большой ребенок, только дорвавшийся не до игрушки, а до нескончаемого приключения продолжительностью в жизнь. В отличие от вас, саперов, мы, наоборот, законченные коллективисты. Артельно делаем все, ибо такова специфика морской службы. При этом настоящий моряк в душе всегда обожает современную технику и любит ее изучать, но никогда в этом никому не признается, предпочитая свято чтить старые морские традиции, уходящие к романтике парусов, медных пушек и манильских тросов. Так что традиционализм и здоровый консерватизм нас с вами объединяет.

– Были бы на берегу, был бы повод выпить! – несколько нервно рассмеялся Почтарев, который еще до конца не отошел от истории с падением за борт водителя «скорой».

– Ладно, обошлось и то хорошо, проехали! – махнул рукой, понимая состояние майора, Шубин. – Время позднее, идете в каюту, отдыхайте.

– А вы когда отдыхать будете? – участливо спросил Почтарев, ставя пустой стакан на штурманский столик.

– Мне отдыхать не положено по определению. Хватает того, что на еду, да в галюн помощник подменяет.

– И сколько вы так можете непрерывно торчать здесь? – искренне удивился майор.

– А сколько будем в море, столько и буду. Впрочем, ничего страшного в этом нет, человек, как известно, ко всему привыкает, даже к командирству! – искренне рассмеялся Шубин. – Спокойной ночи, надеюсь, что больше никто из ваших уже не полезет любоваться штормовыми красотами.

– Спокойной вахты и вам, – вздохнул Почтарев и тенью исчез в проеме люка.

Майор ушел, и Шубин остался наедине со своими мыслями. Сразу вспомнились слова оперативного о последнем походе. Всезнающий Собора, оказывается, уже был в курсе последних новостей...

Позавчера, сразу же по приходе в Новороссийск, к Шубину прибыл полковник-кадровик из штаба Южного округа. Как он заявил, «для серьезного разговора». Начал издали, о том, что Шубину уже тридцать пять, а значит, в академию ему путь уже заказан. Ну, а на заочный факультет командира корабля, да еще с «сирийского экспресса», никто никогда не отпустит.

– Однако, – сказал кадровик, выдержав классическую вахтанговскую паузу, – мы знаем вас, Владимир Михайлович, как опытного и грамотного командира, а потому предлагаем должность заместителя начальника военно-морского отдела в штабе округа. Штатная категория – капитан 1-го ранга, круг обязанностей – организация «экспресса», то есть дело вам знакомое. Одновременно с приказом о назначении пошлем и представление на звание.

Шубин невольно бросил взгляд на висевшую над рабочим столом фотографию жены.

Кадровик был калачом тертым и мгновенно перехватил взгляд.

– Бытовой вопрос также не проблема. В спальном районе Ростова уже освобождена служебная трешка. При этом я вас не тороплю, сходите еще раз в Тартус, все хорошо обдумайте, посоветуйтесь с женой. Впрочем, полагаю, что думать здесь много не надо, второй раз такую должность уже никто никогда не предложит. А потому по возвращении жду вашего решения. Уверен, оно будет положительным.

Да, уходить с корабля Шубину не хотелось, но ведь ничто не может продолжаться бесконечно. Он и так отдал корабельному мостику шесть лет, пора подумать и о будущем. Ну, и, конечно, звание. Как ни крути, а погоны капитана 1-го ранга – достойный итог флотской офицерской карьеры, так неужели он не достоин такого финала!

«Вот ты все жаловался на судьбу и, наконец, эта судьба, в лице кадровика, преподнесла тебе подарок, да еще на блюдечке с белой каемочкой», – думал Шубин, проводив полковника. – Теперь для того, чтобы все сбылось, не надо прилагать уже никаких усилий. Достаточно лишь набрать номер телефона и сказать одно слово: «Согласен!»»

Вспомнился отец. Наверное, будь он жив, то, наверное, одобрил бы его переход в вышестоящий штаб. Отцы должны гордиться карьерой своих сыновей. Вспомнив отца, Шубин вздохнул. Может, это у них, у Шубиных, на роду написано, чтобы обязательно пересекаться по службе с Сирией.

Если вначале шторм достиг силы в три балла, потом раскочегарился, как и ожидалось, до всех пяти. А барометр все продолжал падать...

– Чешем прямо в циклон! – доверительно сообщил за завтраком приунывшей общественности штурман Наумов.

Разумеется, в обычной ситуации никто бы не полез на рожон в область низкого давления, где пронзительный ветер, где немилосердно качает и хлещет дождь. В обычной ситуации следовало отстояться где-нибудь на якоре, переждав непогоду на спокойном рейде. Но «экспресс» есть «экспресс». Заявка на проход проливов уже ушла и подтверждена, а посему выбиться из графика никто не имеет права.

Десантные корабли вообще всегда тяжело переносят штормы. Дело здесь в особенности их конструкции. Если все другие корабли, сидя глубоко в воде, прорезают корпусом волны, то плоскодонный «десантник» фактически скользит по волнам. Поэтому при штормовой погоде он принимает каждую новую волну своим днищем, как мощный удар. При этом корабль как бы подпрыгивает на ней и перескакивает на следующую, не менее крутую волну. В отличие от всех остальных кораблей, на десантных легче переносится не продольная, а бортовая качка. Связано это с конструкцией их корпусов.

Вначале качка была бортовой, то есть относительно терпимой – «Кострома» шла по волне и кренилась поочередно на оба борта. Но затем, со сменой курса, качка стала продольной. Теперь корабль зарывался то носом, то кормой.

Доктор Рустем с фельдшером Тербовым загодя раздали всем желающим таблетки кинедрила, воздействующих на вестибулярный аппарат. Кому-то таблетки помогали, кому-то нет.

«Дворники» остекления ходового мостика с трудом справлялись с дождем и брызгами захлестывавших палубу волн.

В нескольких палубах внизу в твиндеке сейчас стойко переносила качку принятованная по-штормовому техника. Только натягивавшиеся периодически в струну цепи креплений показывали, как трудно ей дается сохранять эту неподвижность. Не дай бог, если многотонная громада в шторм сорвется с цепей и превратится в гигантский таран... Впрочем, к креплению техники на десантных кораблях российского флота всегда относились с особой тщательностью.

В шторм для корабля главное – не потерять ход. Неудачника волны почти сразу разворачивают лагом (т. е. бортом к волне) и начинают методично уничтожать. Волны и ветер ломают дерево, рвут металл, крушат переборки и шпангоуты, ледяная вода врывается во внутренние помещения. Тут уж впору врубать радио и передавать печально знаменитый «Мэйдэй!»

...В ходовой рубке валяло так, что впору было привязываться. Рулевой Пошевеля, расставив ноги на ширину плеч, расклинился в своем пенале, пытаясь удержаться вертикально. Но внезапными кренами корабля его все равно время от времени уносило вбок. Спасал лишь штурвал, в который Пошевеля вцепился до побелевших костяшек. Сигнальщика Шубин давно убрал с крыши мостика, чтобы ненароком не потерять. Внезапно на ГКП открылась металлическая дверь. Ее начало так немилосердно лупить в переборку, что, казалось, она прошибет весь корабль.

Каждый шторм пожирает на кораблях свою жатву. Как бы ни готовил свою каюту ее обитатель к удару стихии, все напрасно. В шторм каюты представляют жалкое зрелище. По закону подлости обязательно мгновенно ослабевают все защелки на шкафчиках и рундуках, они разом открываются, и содержимое летит вниз. На палубу валится все, что было не закреплено, а что-то обязательно забывают закрепить. Вот и сейчас в каюте у помощника из шкафов вылетели центнеры журналов, инструкций и наставлений, каких-то гроссбухов и бланков. В кают-компанию ездил по столу и валилась посуда, вестовой «на карачках» ловил ее по всей палубе. Но труднее всех пришлось коку и его помощнику. Вдвоем они еле удерживали свои лагуны и кандейки на плитах, чтоб те не съехали. Получалось плохо, горячее варево выплескивалось из-под крышек, шипело на раскаленном металле, обдавая коков паром. В довершение ко всему в одной плите что-то замкнуло, и она задымила. Пришлось вызывать электрика. Тот кое-как дополз до камбуза, но о ремонте не могло быть и речи. Плиту просто обесточили, чтобы хотя бы не дымила.

«Кострома» в очередной раз стремительно валится на борт и медленно, слишком медленно, скрипя всем своим шпангоутным скелетом, возвращается на ровный киль, чтобы почти сразу повалиться в другую сторону – и так же трудно, со скрипом и стоном, снова выпрямиться.

Что касается машины, там тоже не сахар – жарко и чадно, отчего тошнота подкатывается к горлу еще быстрее, чем наверху. На посеревших лицах мотористов большие капли пота, все тяжело дышат, сглатывают горькую тошнотную слюну. В проходе закреплено ведро – кому невмоготу, блюют туда, в остальном же все при деле, как и обычно.

По кораблю мечется лишь неутомимый снабженец Вовик Бочаров с вязанками вяленой воблы, которую раздает всем желающим. Следом за ним на карачках пробирается баталер с сухарями. Для кого-то вобла – лучшее средство от укачивания, для кого-то сухари. Вручая рыбу, Бочаров сам себя подхваливал:

– Вот он добрый какой, старший лейтенант Бочаров, кто о вас еще позаботится!

В ответ ему были только благодарные взгляды. На слова ни у кого уже не осталось сил...

Качавшемуся в командирском кресле в ходовой Шубину вдруг вспомнился отец, рассказывавший о том, как однажды в Индийском океане их корабль попал в «глаз тайфуна».

Вообще в последнее время он часто вспоминал уже ушедшего из жизни отца, его советы. Вспоминал то, что с Сирией морская династия Шубиных связана уже давным-давно.

ОКТАБРЬ 1982 ГОДА. МОСКВА, БОЛЬШОЙ КОЗЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

... В конце октября 1982 года капитан 1-го ранга Михаил Шубин был неожиданно вызван в Москву. Все его попытки узнать о причинах вызова ни к чему не привели, и на станцию метро «Лермонтовская», где располагался Главный штаб ВМФ, он прибыл в полном неведении. На КПП его уже встречал офицер отдела военно-технического сотрудничества.

– Через десять минут вас примет начальник Главного штаба ВМФ адмирал флота Сергеев! – сказал он. – Прибавьте шагу, опаздывать нельзя.

Адмирал флота Сергеев, невысокий грузный дядька с тяжелым лицом и мешками под глазами, встречая Шубина, вышел из-за стола и обменялся рукопожатием. Большие начальники так поступали нечасто, и Шубин сразу проникся к адмиралу уважением.

– Сразу о деле! – сказал Сергеев, жестом пригласив его садиться на стул у совещательного стола. – Сегодня в мире возник новый очаг «пожара»: на Ближнем Востоке вот-вот разразится очередная арабо-израильская война. В ее орбиту уже втянуты Египет, Сирия, Ирак и Иордания с Ливаном. В этих условиях руководство Сирии попросило нас прислать им военных советников, как говорится, «для поддержания штанов». Командование ВМФ считает, что вы, по своим знаниям и опыту службы, подходите для выполнения данной задачи. Готовы?

– Так точно, товарищ адмирал флота! – встал со своего места Шубин.

– Садитесь! – нетерпеливо махнул рукой Сергеев. – Вы назначаетесь на должность старшего военного советника командующего сирийским флотом. Конечный пункт назначения – Латакия. Кстати, что вы знаете о Сирии?

Шубин напрягся, боясь опозориться:

– Ну, Сирия – страна с древней культурой. Она прошла многовековую путь развития и становления до обретения независимости, – взгляд Шубина упал на огромную карту Мирового океана, занимавшую всю стену в адмиральском кабинете. – Сирия имеет выход к Средиземному морю, граничит с Турцией и Ливаном. Имеет три морских порта: Латания, Баниас и Тартус, – он на мгновение запнулся. – Большинство сирийцев – мусульмане, но есть и христиане.

Сергеев внимательно смотрел на Шубина поверх очков:

– Что ж, для начала очень даже неплохо. Желаю удачи! – адмирал вышел из-за стола и снова пожал Шубину руку, прощаясь.

Затем был визит на Старую площадь в административный отдел ЦК КПСС. Там новоиспеченный советник получил короткое напутствие и пожелание успехов в работе.

– Будьте осмотрительны, особой активности не проявляйте и в то же время поддерживайте связь с нашим посольством, – проинструктировал его строгий дядечка в строгом костюме. – Одна из ваших задач – сглаживать возможные противоречия между сирийской стороной и аппаратом главного военного советника. В данном случае вы ответственный за последствия, поэтому выбирайте золотую середину и действуйте по обстановке.

Во второй половине ноября 1982 года капитан 1-го ранга Шубин вылетел рейсовым самолетом в Дамаск. Жена должна была присоединиться после получения квартиры в Латакии, а одиннадцатилетний сын Вовка оставался на попечение бабушки и дедушки в подмосковном Домодедово.

15 МАРТА 2016 ГОДА. СТОЛИЦА ИГИЛ ГОРОД РАККА

Найти Сейфуддина главе разведки ИГИЛ удалось не сразу. Он в это время находился в Ливии, где готовил группы для диверсий на нефтяных портах. Пока его оповестили о сроч-

ном вызове в Ракку, пока организовали переправку, ушло некоторое время. Но вот наконец главный морской диверсант ИГИЛ предстал перед Рабахом.

Худощавый и подвижный, с тонкими чертами лица и небольшой европейской бородкой, он бы мог вполне сойти за французского аристократа, если бы не арабский ихрам (платок, опоясанный жгутом) на голове. О Сейфуддине было известно, что он происходил из богатой алафитской семьи, окончил морское училище в России, служил офицером в сирийских ВМС, а затем, поняв свое истинное предназначение, принял ваххабизм и ушел в ряды воинов джихада. О бывшей жизни, как и о бывшем имени, никто Сейфуддина никогда не спрашивал. В ИГИЛ это не принято. Зачем напоминать человеку о прошлом, если он от этого прошлого уже сам отсекся?

Впервые Сейфуддин заставил говорить о себе после штурма села Дулуйя, в 80 км севернее Багдада, в июле 2014 года. Тогда он впервые использовал катера, оснащенные пулеметами, а позднее там же уничтожил и контролируемый иракцами мост. В том же 2014 году Сейфуддин налазил доставку на бывшем правительственном катере взрывчатки через Евфрат под Рамади.

За эти подвиги во славу халифата он получил почетный титул амир аль-бахра (повелителя моря). В следующем году на лодках Сейфуддин успешно атаковал курдский городок Гвер, переправившись через реку Заб, устроив настоящую резню в городке. Затем взорвал дамбу под Самаррой, используя начиненную взрывчаткой лодку. В апреле 2015 года ИГИЛ выпустило пропагандистский ролик, где были показаны учения подразделения «морских котиков-джихадистов», которые могли проводить атаки с воды. Говорят, ролик вызвал смех у морских пехотинцев США. Но смеялись американцы зря. Уже в феврале 2015 года «котики» Сейфуддина провели удачную разведку и диверсию на реке под Фаллуджей.

Что касается реки Тигр, то Сейфуддин создал там целую флотилию моторных лодок, вооруженных крупнокалиберными пулеметами. На нескольких баржах он установил орудия, превратив их в мощные плавбатарей. Были оборудованы и особые скоростные шахидские катера, предназначенные для уничтожения плавсредств противника, мостов и причалов.

Флотилия Сейфуддина отличилась и во время боев за Мосул. Именно она осуществляла связь между западной и восточной частями города, содействовала контратакам наземных отрядов ИГИЛ, несколько раз удачно заходила в тыл атакующим американцам и иракцам, нанося по ним сокрушительные удары. И хотя атаки моторных лодок порой были самоубийственными и атаковавшие несли ужасающие потери, руководство это не волновало. У него было в достатке всего – и лодок, и боеприпасов, и шахидов. Особенно удачной была атака начиненными взрывчатками барж понтонных мостов через Тигр, по которым переправлялась наступавшая иракская армия. Тогда количество уничтоженных иранцев и американцев перевалило за несколько сотен.

Когда курды окружили город Табка, то для уплотнения кольца окружения стали перебрасывать на пароме и катерах десант через реку. Тогда Сейфуддин применил тактическую новинку, решив атаковать паромы боевыми беспилотниками. Атака была неожиданной и удачной. И хотя переправу десанта предотвратить не удалось, беспилотники Сейфуддина уничтожили несколько броневиков «Хамви» и три десятка курдов.

Однако с началом действий в Сирии военно-космических сил России былые успехи ИГИЛ обернулись тяжелыми поражениями, померкла слава и Сейфуддина. Крах авторитета амир аль-бахра начался с Дейр-эз-Зора, где армия Сирии при поддержке ВКС России провела спецоперацию и сорвала одну из важных десантных операций ИГИЛ. Тогда 104-я воздушно-десантная бригада республиканской гвардии Сирии уничтожила 7 речных судов ИГИЛ в районе причала Аль-Сабха и у переправы Аль-Марии в столице провинции. Из-за разрушенных мостов, река была единственным путем, связывающим восточную и западную части Дейр-эз-Зора. Здесь ИГИЛ полностью зависело от лодок и катеров, с помощью которых доставлялись запасы, боеприпасы и подкрепления к границе с территориями, подконтрольными пра-

вительственным войскам. В поражении руководство ИГИЛ обвинило Сейфуддина. И хотя он сумел доказать, что предпринимал все возможное для сохранения переправы, включая оборудованные огневые точки, прикрывавшие речные перевозки, миф о непобедимости был развеян. Затем иракцы перетопили лодки ИГИЛ, стремившиеся прорваться в Тикрит, а затем полностью уничтожили флотилию ИГИЛ в провинции Анбар. После этого Сейфуддину была предоставлена возможность реабилитироваться – таранить в Босфоре российский десантный корабль с военным грузом для Сирии. Это должно было не только лишить сирийскую армию партии вооружения, а Россию боевого корабля, но вызвать международный скандал и заставить турок закрыть для русских кораблей с военным грузом свои проливы. Но и эта акция Сейфуддина провалилась. Русский капитан так умело сманеврировал, что шедший на таран сухогруз игиловцев остался у него за кормой. После неудачи в Босфоре амир аль-бахр впал в немилость. Впрочем, другого столь профессионального специалиста в военно-морских вопросах у ИГИЛ все равно не было, и работа для Сейфуддина всегда находилась.

...Вообще-то Сейфуддин являлся подчиненным Рабах, и тот вполне мог ограничиться при встрече традиционным обниманием и касанием щек, но глава разведки решил иначе. Он приветствовал прибывшего троекратным поцелуем в обе щеки, после чего заключил в объятия, как поступают, если встретились давно не видевшиеся близкие друзья. При этом Рабах наблюдал за реакцией Сейфуддина. Тот, опешив на какое-то мгновение, от фамильярности своего шефа, тут же взял себя в руки и, со своей стороны, приобнял Рабах так, словно они и в самом деле закадычные приятели. При этом, обняв начальника, он тут же отступил на шаг и опустил голову в знак покорности. Своим маленьким экспериментом Рабах остался доволен. Он продемонстрировал подчиненному свое особое отношение, а тот показал, что умеет мгновенно реагировать на смену ситуации и в то же время проявил понимание и такт.

По обычаю, после столь эмоциональных приветствий следовало бы перейти к обмену дежурными фразами, расспросам собеседника о его успехах, здоровье, семье. Но Рабах вновь спутал все карты, неожиданно начав с Сейфуддином разговор так, словно видел его первый раз в жизни:

– Ты на самом деле столь сведущ в морском деле, и предан халифату, как о тебе говорят?

– Да, досточтимый, – спокойно, словно он только и ждал столь неуместного вопроса, ответил Сейфуддин, мгновенно приняв правила новой игры своего шефа, словно они действительно встречаются впервые. – В той, другой своей жизни я много плавал на кораблях, а ныне уже пять лет сражаюсь под зеленым знаменем Пророка, не зная жалости к его врагам.

Глава разведки наконец изобразил улыбку углами губ. Он добился того, чего хотел, лишней раз протестировал своего подчиненного на сообразительность и реакцию и теперь мог переходить к самому предмету разговора:

– Сможешь ли ты провести большое судно по Средиземному морю, минуя все опасности?

– Смогу, ведь я специально учился этому целых шесть лет!

– А готов ли ты отдать свою жизнь во имя Аллаха, если это будет нужно?

– Для меня это будет высшей честью!

Рабах буквально впился глазами в лицо своего собеседника, стремясь разглядеть в нем хотя бы тень мгновенного сомнения. Но нет, Сейфуддин был совершенно невозмутим, будто только что не согласился принести себя в жертву.

– Тогда садись! – Рабах жестом показал на небольшую софу подле своей. – Разговор нам предстоит долгий...

Халиф принял Рабах и Сейфуддина после дневной молитвы. На входе оба сняли обувь. Прибывших встречал глава охраны – здоровенный темнокожий магрибец. Осмотрев и наскоро обыскав гостей, коротко кивнул:

– Мархаба (добро пожаловать)! – и ввел внутрь.

Зайдя, гости расселись на коврах. Сейфуддин огляделся. Меджлис халифа, как и подобает жилищу истинного правоверного, не отягощенного земными страстями, был нарочито беден. На изрядно потертых коврах лежали, покрытые овечьими шкурами, верблюжьи седла-шдаад, использовавшиеся как подлокотники. В глубине помещения мерцал очаг для приготовления кофе.

Вошел халиф. Хозяин и гости обменялись приветствиями. Как и положено хозяину, халиф дежурно поинтересовался делами и здоровьем прибывших.

Слуга-мугави подал несладкий, с добавлением кармадона, кофе-гавах в маленьких, размером с куриное яйцо, чашках. Первому подали кофе халифу, затем сидящему справа от него Рабаху, а потом уже Сейфуддину.

Затем халиф процитировал несколько аятов Корана и хадисов. После чего пустился в пространные рассуждения о вере и неверии, начиная с изгнания Адама из рая.

– Сегодня мусульмане всего мира находятся в униженном положении под правлением иудеев и крестоносцев. Они бы уже давно стали их жертвой, если бы не отважные группы муджахидов.

Рабах и Сейфуддин молча внимали наместнику пророка Магомета на земле.

– Исламское государство, – говорил халиф, изучающе глядя в глаза своих собеседников, – это вершина исламской истории, к которой Умма шла долгое время.

Халиф сделал паузу, привычно перебирая холеными пальцами камешки молельных четок-сибхи.

– При нынешней ситуации, когда Асад и Россия захватывают у нас одну провинцию за другой, сложно думать о реальном расширении нашей территории в обозримом будущем! – подал голос Рабах.

Халиф снисходительно взглянул на своего главного разведчика.

– Не стоит уподобляться неверным, которые вечно куда-то торопятся. Читайте сабур (терпеливость) и постоянство перед лицом противоречий! – начал он новый монолог тихим голосом человека, который уверен, что его никто никогда не перебьет. – Да, сегодня наши дела идут не слишком хорошо. Но это лишь еще одно испытание Аллаха на нашу прочность и жертвенность. Главный лозунг – «бакыйя ва татаммадад» («остается и расширяется») никто не отменял. Халифат рано или поздно победит, и все, кто правит не по шариату, падут. При этом никто не должен связывать потерю территорий с тем, находятся там сейчас истинные джихадисты или нет. Война с неверными должна идти везде – в Западной Европе, США и России. Но хватит общих рассуждений. Поговорим о насущном. Итак, что касается международной политики, то я уверен: начало грызни между воюющими с нами странами – лишь вопрос времени. Наша задача – ускорить этот процесс. Мы должны столкнуть лбами крестоносцев всех мастей! Для этого вы и нанесете такой удар, от которого вздрогнет весь мир, а «крестоносцы» навсегда перегрызутся между собой. И хотя финансовые дела сегодня у нас обстоят не так хорошо, как раньше, денег вам будет выделено столько, сколько вы посчитаете нужным, ибо в данном случае экономия неуместна.

Халиф замолчал и некоторое время предавался своим думам. Гости сидели в почтительном молчании, не смея нарушить ход его мыслей. Наконец халиф снова удостоил их словом:

– В древности арабские мореплаватели говорили об удаче на море, что они поймали дуновение Аллаха! Пусть же и твой подвиг тоже станет настоящим дуновением Аллаха!

Уходя, халиф простился традиционным «Фай амаан иллях!», что означает «Да хранит вас Аллах!» Но на этот раз традиционное пожелание прозвучало как-то по-особенному.

**16 МАРТА 2016 ГОДА. ПРОЛИВ БОСФОР.
БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»**

Перед входом в Босфор старший помощник провел обязательное учение по борьбе за живучесть. Босфор – это узкость из узкостей, проход через который всегда, сколько бы ты его ни проходил, выматывает всех – от командира до последнего матроса – как физически, так и морально.

В двадцати милях от пролива Шубин вышел по УКВ на международной чистоте на связь с турецким постом береговым постом:

– Я военный корабль Российской Федерации, бортовой номер 217. Следую в Эгейское море. Скорость – 10 узлов. Приблизительное время входа в пролив – 17 часов 30 минут.

– Вас поняли! Нужен ли лоцман? – отозвались турки.

Вопрос о лоцмане был чисто формальным, так как российские военные корабли их никогда на борт не брали.

– Лоцман не нужен! – скороговоркой ответил Шубин.

– Через десять минут повторите запрос! – передали турки.

За час до входа в Босфор вахтенным офицером заступил заместитель по работе с личным составом Матюшкин. Так полагалось при прохождении пролива. На груди капитана 3-го ранга висел солидный «Никон» для фотографирования военных объектов и кораблей.

Стараясь подражать левитановской дикции, Алексей Ильич зычно скомандовал:

– Корабль к плаванию в узкости приготовить! Расчету прохода узкости по местам!

Проливную зону корабли советского, а потом и российского ВМФ всегда проходят по боевой готовности № 1. При этом усиливается как сигнальная вахта, так и вахта ППДО.

На пелорусах с правого и левого бортов встали начальник службы снабжения и баталер Их задача – по команде штурмана сообщать пеленги на указанные береговые объекты. Гордый возложенными на него чисто морскими обязанностями, Володя Бочаров был предельно серьезен.

– И в каждом его движении сквозит ответственность! – шепнул старпом Матюшкину, кивнув в сторону начальника службы снабжения.

Глянув на надувшегося от важности Бочарова, оба улыбнулись.

На сигнальном мостике сигнальщики крепили к фалам флаги. Желтый с черным кругом посередине – «Индия» («Я изменяю свой курс влево») и сине-красный – «Эхо» («Я изменяю свой курс вправо»). Из-за частого использования именно эти два флага на корабле всегда были самыми истрепанными.

Спустя десять минут Шубин повторил запрос. На этот раз турки назначили «Костроме» время и очередность входа в пролив, а также конкретное судно, за которым надлежало следовать.

Вообще в Босфоре четыре трафик-контроля, которые держат непрерывную связь с проходящими по проливу судами и регулируют их движение.

Как и положено, Шубин увеличил число сигнальщиков, выставил впередсмотрящего и вахту на отдаче якорей, приказал запустить резервные и аварийные устройства корабля. Помимо этого на верхней палубе, для противодействия возможным диверсионным действиям, была расставлена «вахта бдительности» – матросы с автоматами, ведущие наблюдение за водной акваторией вокруг корабля.

...В Босфоре, как всегда, царило настоящее броуновское движение и было тесно от множества снующих во все стороны плавсредств. Навстречу «Костроме» один за другим почти вплотную шли огромные сухогрузы и танкеры. Курс БДК то и дело пересекали всевозможные местные паромы, для которых все статьи МППСС были пустым звуком. Между паромами крутились в полнейшем хаосе рыбацкие лайбы, всевозможные прогулочные катера и яхты, которые, казалось, только и ждали, чтобы подставиться под форштевень «Костромы».

На машинном телеграфе застыл старпом Марченко, мгновенно реагируя на команды командира. Матюшкин вел вахтенный журнал, репетовал команды командира по «каштану»

и занимался фотографированием. За штурвалом опытнейший из рулевых – главстаршина контрактной службы Владимир Пошевелия, также готовый к мгновенному выполнению любой вводной. Во главе сигнальщиков самый толковый и глазастый – Сергей Лукашев.

Штурман Дима Наумов, не разгибаясь, корпел над картой. Он то запрашивал пеленги на береговые ориентиры, то уточнял место корабля, непрерывно докладывая командиру о времени изменения и направления курса, точках поворота:

– Товарищ командир. Через минуту время поворота вправо на 15 градусов!

Что касается Шубина, то он все время находился в движении, перемещаясь с одного крыла мостика на другой, давая непрерывные команды на руль и машину, принимая информацию, оценивая мгновенно меняющуюся ситуацию и принимая такие же мгновенные решения.

Босфор – это испытание для всего экипажа, но в первую очередь для командира. Из всех морских проливов в мире Босфор самый узкий (недаром само слово Босфор в переводе означает «коровий брод»), если же к этому добавить что по нему одновременно перемещаются в обе стороны десятки и десятки судов, одновременно, пересекая им курс, с одного берега к другому снует неисчислимое количество паромов, катеров и лодок, можно только представить, какое напряжение испытывают при прохождении Босфора командиры кораблей и капитаны судов!

На пересечку курса «Костроме», вспарывая форштевнем пологую босфорскую волну, как черт из табакерки выскочил турецкий катер с надписью «Сахин гуденлик» – «Береговая охрана».

– Саям алейкум, кэптен! – кричал ему с катера турецкий офицер. – Я даже не успел соскучиться!

В ответ Шубин помахал турку рукой.

– Будет сопровождать до выхода в Мраморное море, а затем повернет обратно. Для турок сопровождение наших кораблей обычная рутина, – пояснил попросившемуся остаться на ГКП Почtareву Матюшкин.

– Откуда он вас знает? – удивился майор.

– Да мы здесь так часто бываем, что уже почти как родственники стали! – усмехнулся заместитель по работе с личным составом.

– Пару таких родственников, и врагов не надо! – встрял в разговор, высунувшийся из штурманской рубки штурман Наумов.

Согласно боевому расписанию по прохождению проливов, было положено через каждые пять минут бросать глубинные гранаты во избежание нападения подводных диверсантов. В Босфоре по договоренности с турками этого не делали. Шубин, да и другие командиры «экспресса» понимали, что отказ от гранатометания создает серьезные риски, но поделаться ничего не могли. Что касается Шубина, то он, в силу своего обостренного чувства справедливости, одно время хотел даже написать по этому поводу рапорт, но потом передумал. Понимал, что все равно рапорт ляжет под сукно. Начальство не любит инициативы снизу, тем более инициативы, которая затрагивает вопросы большой политики. Кого в Москве интересует вопрос, бросают ли с проходящих в проливах кораблей гранаты или нет, тем более что турки однозначно будут категорически против, а лишний раз ссориться с ними в непростой политической ситуации из-за такой «ерунды» в Москве не захотят.

...Миновали первый босфорский мост, носящий имя Ататюрка, что соединяет европейскую и азиатскую части Стамбула.

– Говорят, что его проектировал и строил сын небезызвестного Керенского, – пояснил Почtareву заместитель командира по работе с личным составом.

– Вот ведь жизнь устроена, у никудышного политика вдруг сын – талантливый инженер! – покачал головой Почtareв.

– Посмотрите направо! – обратил внимание гостя Алексей Матюшкин. – Перед вами главная достопримечательность Стамбула – храм Святой Софии – великий памятник раннему христианству, обращенный ныне в мечеть Айя-Софию.

– Где-где? – закутил головой Почтарев. – Эта?

И показал рукой на величественную мечеть.

– Это знаменитая «Голубая мечеть», – с интонацией опытного гида пояснил зам по работе с личным составом. – София правее. Видите огромный розовый массив в окружении минаретов?

Вглядываясь в проплывавшую мимо борта громаду сооружения, Почтарев утвердительно закивал.

– Существует легенда, что, когда в 1798 году в Босфор вошла эскадра адмирала Ушакова, в Софийском соборе внезапно обвалилась штукатурка и на стенах проступили скорбные лики православных святых.

– Эти минареты со своими хищными иглами, как неусыпная стража! – задумчиво высказался Почтарев, провожая взглядом Айя-Софию.

– В принципе так оно и есть. София же строилась, как главный православный храм всей Византийской империи, так что как его ни переделывали и ни переименовывали, суть осталась неизменной, оттого и окружили минаретами. Кстати, вы читали роман Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе»?

– Разумеется, читал!

– Так вот, он написала этот роман, когда гостила в Стамбуле.

– Возможно, «Экспресс» Агаты Кристи и ваш пересеклись именно в Стамбуле не случайно, – подумав, сказал Почтарев.

– Вполне возможно, – кивнул Матюшкин и, сославшись на служебную необходимость, удалился в ходовую рубку.

Над головой проплыл второй босфорский мост имени султана Фатиха.

– Куда-то наш провожатый запропастился! Турки сегодня какие-то квелые! – подал голос старпом Марченко.

Шубин глянул, действительно катер береговой обороны, резко сбавив обороты, остался далеко по корме.

– Слева по пеленгу 208 судно резко меняет курс! – раздался в то же мгновение вскрик сигнальщика Киселева.

– Право 15 градусов! – мгновенно отреагировал Шубин.

Он выскочил на крыло мостика. Огромный контейнеровоз грязно-зеленого цвета под либерийским флагом откровенно выходил из своей полосы встречного движения и целил своим форштевнем прямо в борт БДК.

– Может, рулевое управление заело? – подал голос Матюшкин, будто оправдывая капитана контейнеровоза. – В любом случае ступает в силу правило трех «д» – дай дорогу дураку!

Шубин не ответил. Он неотрывно смотрел на форштевень контейнеровоза, под которым вскипала пенная волна. Судно явно набирало обороты. Сомнений быть не могло – оно целенаправленно шло на таран!

Лоб мгновенно покрылся испариной. Все решали мгновения – пытаться ли изменить курс, стопорить ход или, наоборот, попытаться проскочить мимо киллера-либерийца. Шубин понял, что одним изменением курса от контейнеровоза уже не увернуться.

– ПЭЖ! – схватив микрофон «каштана», крикнул Шубин. – Обе самый полный вперед!

Он рванул ручки машинного телеграфа. Те, жалобно звякнув, застыли красными стрелками на отметке «самый полный вперед».

– Коля! – крикнул он в микрофон командиру БЧ-5 Каланову. – Нас самым наглым образом таранят! Выжимай все, что можно!

– Уже выжимаю! – раздался глуховатый и невозмутимый голос Деда.

«Кострома», задрожав всем корпусом, начала ощутимо прибавлять ход. Каланов выжимал из старой машины все, что было можно.

Помощник Марченко непрерывно кричал по УКВ на международной частоте:

– Вы опасно маневрируете! Я предупреждаю вас обо всех возможных последствиях!

Но толку от этого не было никакого.

Шубин безотрывно следил за либерийцем. Там, очевидно, заметили ускорение БДК и, не сбавляя хода, в свою очередь, подвернули вправо, чтобы не дать уйти от сокрушительного удара. Дистанция между охотником и добычей стремительно сокращалась.

– Лево руля на курс 175 градусов! – скомандовал Шубин, подвернув корму так, чтобы если уж не уйти от тарана, то хотя бы сделать его скользким, а значит, несмертельным.

На сухогрузе в ответ тоже энергично подвернули.

– Вот суки! Сейчас бы врубить из артустановки, чтобы потроха по Босфору пораскидали!

– Давай, давай, родимая! – шептал Шубин кораблю. – Мы с тобой еще не из таких пердряг выбирались!

Грязный, в потеках ржавчины нос контейнеровоза уже почти нависал над бортом.

– Лево на борт! – резко скомандовал Шубин, прикинув, что момент инерции уже не даст сухогрузу отреагировать на его неожиданный маневр, а более компактная и маневренная «Кострома» вполне может вывернуться.

Так и вышло. Корму БДК пронесло буквально в десятке метров от форштевня либерийца. Контейнеровоз проскочил по корме и теперь уже пытался сам уклониться от шедших вслед за БДК из Черного моря судов.

– Право на борт! Курс 280! Обе машины средний вперед! – скомандовал командир «Костромы».

На корме контейнеровоза значилось – «Margaux». Из его рулевой рубки, размещенной в кормовой надстройке, выскочило сразу несколько человек, они что-то кричали и непристойно жестикулировали.

– Кажется, расстроились, что промахнулись! – не упустил возможности снова напомнить о себе Матюшкин.

– Надо было в школе лучше учиться! – добавил штурман Наумов, еще до конца не пришедший в себя от случившегося.

– Хватит веселиться! – не слишком вежливо оборвал обоих Шубин. – Алексей Ильич, запиши в вахтенный журнал, что имела место попытка тарана, координаты и название судна.

Фигура одного из стоящих на крыле ходового мостика показалась Шубину чем-то неуловимо знакомой. Но разглядеть человека толком не удалось, тот предусмотрительно держался за спинами остальных, внимательно рассматривая «Кострому» в бинокль. По спокойному поведению наблюдающего Шубин решил, что именно этот и есть самый главный на контейнеровозе, возможно, даже организатор атаки. Все это пронеслось в голове командира БДК за какие-то секунды, после чего он забыл об увиденном человеке, как ему тогда казалось, уже навсегда.

– Товарищ командир, может, нам по приходе в Тартус «морской протест» подать, ведь этот «Маргаукс» нарушил все возможные положения МППСС, – обратился штурман.

Шубин устало вытер ладонью потный лоб:

– Какой, к черту, протест! «Морской протест» предполагает имущественные претензии, а мы что предъявим – дырку от бублика?

– Тогда может, хоть на УКВ свяжемся? Скажем пару ласковых, душу отведем? – предложил подошедший Матюшкин.

– А смысл? Они же сразу включают дурака – моя твоя не понимай! Это мы уже проходили. Связываться имело бы смысл с теми, кто действительно потерял управление, а не с теми, кто сознательно шел на таран.

– Ну да! – грустно кивнул заместитель по работе с личным составом и вернулся к наблюдению за окружающей обстановкой.

– Товарищ командир, – доложил стоявший на ГКП у радиостанции «Богдан-К» радист, – либерийское судно с позывным «Маргаукс» непрерывно дает в эфир сигнал «Сьерра Виктор-2».

– Ясно! – коротко ответил Шубин.

«СВ-2», согласно международному своду сигналов, означало: «Мне требуется немедленная помощь. Я имею повреждение рулевого устройства».

«Хоть бы что-нибудь новенькое придумали, а то каждый раз одно и то же. Как говорится, сел в лужу, но ведь нарочно, чтоб вас повеселить!» – подумал Шубин и, выйдя на крыло мостика, оглянулся.

Похожий на огромную рептилию, «Маргаукс», гася инерцию хода, пытался вернуться на свой фарватер. При этом контейнеровоз поднял кучу флагов и отчаянно вопил сиреной – изображал из себя жертву технической аварии. Со всех сторон на полном ходу к нему уже спешили турецкие катера.

– Слева по борту приближается встречное судно! – доложил сигнальщик.

– Штурман! Доложить дистанцию расхождения! – распорядился Шубин, устало усаживаясь в командирское кресло.

Навстречу «Костроме» по фарватеру величественно шествовал очередной огромный балкер. За ним в дальней дымке угадывался следующий. Движение на выходе из Босфора в Мраморном море всегда очень интенсивно.

По выходе в Мраморное море, когда обстановка на мостике несколько разрядилась, офицеры корабля рассказали Почтареву, что в апреле 2003 года при проходе проливов большим десантным кораблем «Цезарь Куников» перед мостом Ататюрка путь ему преградил катер турецкой береговой охраны. После чего турки потребовали от БДК застопорить ход и предъявить корабль к осмотру, хотя по всем международным соглашениям проверять военные корабли запрещается. Налицо была явная провокация, и командир БДК капитан 2-го ранга Александр Кельбус отреагировал соответствующе. На палубе залегли с оружием наизготовку наши морпехи, а носовая 57-мм артиллерия взяла катер на прицел. После чего, не меняя курса, «Куников» пошел на таран. Тут нервы у турок не выдержали, и они сбежали, очистив фарватер. Больше никаких претензий к нам турки уже не предъявляли, мы также промолчали.

В конце 2015 года, ввиду обострения отношений между Россией и Турцией после сбитого турками нашего самолета, ситуация при прохождении проливов накалилась до предела. Турки стали вести себя по отношению к кораблям «сирийского экспресса» демонстративно бесцеремонно. Они не только опасно пересекали курс кораблей, но и наводили орудия. То в самый последний момент неожиданно без объявления причины закрывали проливы, и нашим кораблям приходилось долгими часами крутиться у входа в Босфор в ожидании милости от турецких властей. В ответ, при очередном проходе Босфора, командир все того же «Цезаря Куникова» поставил для острастки на верхней палубе матроса с незаряженной трубой ПЗРК. Фотографии этого матроса вызвали волну возмущений в турецкой печати, но после этого провокации как рукой сняло. Попадать под ракету из ПЗРК туркам почему-то расхотелось.

Именно тогда на совещании командования бригады десантных кораблей Шубин и выступил с предложением не поднимать больше турецкого флага при прохождении проливной зоны. Формально придраться к нам за это турки не могли, но на морском языке данный акт являлся выражением предельного презрения принимающей стороне. Предложение Шубина было дружно поддержано всеми командирами «экспресса», а после некоторого раздумья одобрено и большим начальством. Почти целый год весь «экспресс» демонстрировал пустым гафелем полное презрение к туркам за их пиратское нападение на наш Су-24М. Только после официальных извинений Эрдогана, было решено вернуться к былой практике поднятия турецкого

флага. Этот урок турки запомнили хорошо и в настоящее время встречаются наши корабли уже более спокойно. Однако провокации так и не прекратились. При этом теперь инициаторами стали уже суда под «дешевыми флагами».

...За Стамбулом, у причалов военно-морской базы Умурьери, были хорошо различимы ряды замерших в готовности ракетных катеров – ударного кулака ВМС Турции. Вид этих катеров всегда наводил на невольные размышления о том, что соотношение военно-морских сил на Черном море еще только начало выравниваться в нашу пользу, как туда сразу зачастили натовские корабли. И хотя все былые надежды заокеанских «партнеров» сделать Черное море внутренним морем НАТО с присоединением Крыма к России и возросшей мощью Черноморского флота канули в небытие, напряженность не только не уменьшалась, а даже усилилась.

После входа в Мраморное море сразу стало легче, напряжение спало. Трудно было поверить, что время прохождения Босфора заняло меньше двух часов. Теперь можно было поберечь машины. Шубин переключил тумблер «каштана» на ПЭЖ:

– Механик, на какой пойдём?

– На левой!

– Хорошо. Снимай самостоятельно. Левую ставлю на полный.

– Есть! – коротко отозвался из ПЭЖа Каланов.

Правую машину начали останавливать, но не сразу, а постепенно, переводя ее со среднего хода на малый. Только после этого Матюшкин перевел рукоятку телеграфа правой машины в положение «стоп».

Над морем опускалась черная южная ночь.

1983–1986 ГОДЫ. СИРИЯ

К моменту прибытия в Сирию Шубина-старшего порт Тартус, используемый по договоренности с Москвой как пункт ремонта и снабжения кораблей 5-й оперативной Средиземноморской эскадры ВМФ СССР, еще не был достроен. Впрочем, в недостроенном порту уже вполне могли швартоваться торговые суда с осадкой до 10–12 метров и осуществляться погрузочно-разгрузочные работы судовыми стрелами. В перспективе к морскому порту планировалось подвести железнодорожную ветку. Ее проектирование и строительство осуществляли советские специалисты. Стратегическое значение Тартуса было огромно. Помимо всего прочего, между ним и Латакией был расположен нефтеналивной терминал Баниас, являвшийся конечным пунктом стратегического иракского нефтепровода.

Военно-морские силы САР в то время состояли из нескольких базовых тральщиков, ракетных и торпедных катеров, а также нескольких береговых батарей на автомобильной тяге. Главная база флота Мина-эль-Бейда располагалась в 15 километрах северо-западнее Латакии. Состояние сирийского флота было удручающим, многое пришлось начинать почти на пустом месте.

В Латакии Шубин познакомился с командующим сирийским флотом бригадным генералом Мустафой Шумани, с которым ему предстояло взаимодействовать согласно обязанностям военно-морского советника. Взаимная симпатия между ними возникла почти сразу. Вскоре Шубин стал частым гостем в доме бригадного генерала. Шумани был не так прост, как могло показаться при поверхностном знакомстве. Он являлся представителем одного из знатнейших и богатейших алавитских семейств, связанных родственными связями с семьей президента Хафеза Асада.

Познакомился и с его супругой Зульфией и сыновьями-близнецами Ахмедом и Махмудом, непоседливыми шкодливыми малышами.

– Киф аль-халь (как дела)? – спрашивал он их, одарив обязательным сладким гостинцем.

– Квэйс (хорошо)! – кричали близнецы и корчили уморительные рожицы.

Близнецы Шумани были одногодками его Вовке, и Шубин, скучая по сыну, всегда с удовольствием возился с мальчиками.

В феврале 1983 года, когда на Латакию обрушился ураган, Шубину пришлось вместе с Шумани спасать стоявшие в порту транспорты. Большую часть судов они успели отправить в море, но два груженных зерном транспорта были выброшены волнами на прибрежные камни. Последующие две недели Шубин с Шумани занимались их спасением. Совместная работа еще больше сблизила двух моряков. Порой Шубина в шутку именовали Шубани, так и говорили: «А вон наши начальники Шумани и Шубани!» Шубин на шутку не обижался, лишь бы дело делалось.

Материальная часть и уход за ней были на сирийском флоте не в лучшем состоянии, в зачаточном состоянии находилась и организация боевой подготовки. О проведении боевых упражнений, практических стрельб и пусков ракет нельзя было и мечтать. А ведь еще не прошло и десяти лет со времени печально знаменитой битвы при Латакии, когда 7 октября 1973 года израильский флот атаковал сирийский и уничтожил пять сирийских ракетных катеров. Казалось бы, что после этого в Дамаске должны были понять, что флотом надо заниматься серьезно. Но увя... Система управления силами сирийского ВМФ, связь и наблюдение на приморском направлении требовали полной реорганизации и фактически создания заново. Противодесантная оборона побережья еще даже не обсуждалась. Больше всего поражало, что ровно в 17.00 все офицеры и матросы дружно покидали штабы и корабли, оставляя в лучшем случае полусонного вахтенного у трапа. Объяснить, что на корабле всегда должна находиться часть команды, сирийцам было невозможно, они этого просто не понимали.

Первым делом Шубин составил план работы, а когда его утвердили, то, засучив рукава, принялся за дело. Начал он с обучения самого командующего и офицеров его штаба. Шумани к предложениям Шубина отнесся с пониманием:

– Еще совсем недавно я командовал танковой бригадой, а потому готов учиться столько, сколько потребуется.

Но арабы, как известно, люди весьма неторопливые и задумчивые, а потому Шубину пришлось немало конфликтовать с местными офицерами, прежде чем те начали служить, как положено в нормальном флоте. Шумани почти всегда в спорах брал сторону своего советника, но наедине выговаривал:

– Вы русские все время куда-то торопитесь, куда-то спешите. Зачем? Обогнать время еще никому не удавалось. Пусть все идет как идет.

Немного разобравшись со штабом, Шубин принялся за корабли. Начал с ракетных катеров. Прибыли с Шумани в бригаду. На причале их встречали комбриг подполковник Абдулла Тархан и советник комбрига капитан 2-го ранга Эмиль Багиров.

– Обратите внимание на скученность катеров! – заявил Багиров после приветствия. – Одной ракеты будет достаточно, чтобы уничтожить всю бригаду

– Вы об этом вопрос ставили? – удивленно спросил Шубин.

– Язык сломал упрашивать, но бесполезно, все как об стенку горохом.

Шубин повернулся к Тархану:

– Почему корабли не рассредоточиваете?

– А зачем? – сразу надулся тот. – Когда все рядом, легче командовать.

– А воевать?

Вместо ответа Тархан пожал плечами.

– В каком состоянии крылатые ракеты?

Тархан закатил глаза и воздел к небу руки: мол, на все воля Аллаха.

– Разумеется, в небоеспособном! – объяснил жест комбрига советник Багиров. – Пытаюсь хотя бы заставить правильно хранить и проводить регламентные работы, но и это удается не всегда.

– Ну что ж, – посмотрел на Шумани Шубин. – Будем засучивать рукава?

– Согласен! – обреченно кивнул тот.

Так постепенно, шаг за шагом плановая работа в штабе флота и соединениях кораблей стала налаживаться. На восточной окраине Латакии Шубин развернул командный пункт, куда стали поступать регулярные донесения от командиров, а также с постов наблюдения и связи на побережье, не без скандалов, но ввел круглосуточное дежурство. Оперативная обстановка наносилась на планшет для ее анализа и доклада по команде. Дивизион базовых тральщиков он перевел в Тартус для постоянного базирования. Туда же, для усиления южного направления, посоветовал направить и звено торпедных катеров, которые отныне несли боевое дежурство в готовности к выходу в море. Спустя некоторое время Шубин освоил только некоторые арабские выражения. Теперь он мог иногда обходиться без переводчика. Это очень нравилось сирийцам, в особенности Шумани, который, в свою очередь так же пытался учить русский.

Шубин очень скучал по семье, оставшейся у его родителей в подмосковном городке Домодедово. Получая письма от жены и сына, он перечитывал их по нескольку раз, да и потом не выбрасывал, а хранил. Порой ему даже не верилось, что где-то в родном Подмосковье сейчас шелестят листвою березы, зеленеет трава, а высоко в утреннем небе над поляной поет жаворонок. Как бы хотелось ему открыть глаза и очутиться там, а не среди палящей пустыни и чахлах пыльных пальм...

В конце 1983 года в штабе сирийского флота совместными усилиями советников и сирийских офицеров было подготовлено и проведено командно-штабное учение на картах. Обстановка соответствовала реальному положению на приморском направлении Сирии. Для сирийских офицеров это был новый вид оперативной подготовки. Он выявил слабые места в боевой готовности сил флота, и были намечены пути их устранения. За учением на картах Шубин настоял на проведении оперативно-тактической летучки на местности в районе сирийско-ливанской границы. Этот участок был наиболее слабым звеном в противодесантной обороне на приморском направлении. К радости Шубина, в ходе летучки командующий флотом Шумани действовал весьма энергично и грамотно реагировал на изменения в обстановке по ходу действий сил флота.

Затем удалось на высшем уровне договориться и о совместном советско-сирийском учении. В один из дней, на рассвете ВМС Сирии были подняты по учебной боевой тревоге. На горизонте южнее Тартуса были обнаружены десантные корабли «вероятного противника». Прошло не более часа. Все корабли и береговые подразделения флота заняли исходные рубежи. Так началось первое в истории совместное сирийско-советское учение по отражению высадки морского десанта на побережье Сирии. Торпедные и ракетные катера выполнили учебные атаки. Подвижной полк береговой артиллерии с ходу занял огневой рубеж и выполнил практическую стрельбу по движущейся мишени. Подразделения сухопутных войск в окопах приготавливались к отражению морского десанта.

Ничего подобного личный состав сирийского флота да и сам командующий Шумани еще не испытывали: с моря к побережью волна за волной приближались плавающие танки и бронетранспортеры батальона морской пехоты. На берегу в развернутом строю и со знаменем в лучах восходящего солнца атаковала морская пехота Черноморского флота. При подходе к определенному рубежу на побережье учению был дан отбой. Личный состав, участвовавший в данном учении, построили для разбора. Руководители учения отметили положительные стороны и недостатки. Всему личному составу была объявлена благодарность.

После короткого отдыха и осмотра техники часть личного состава с техникой была принята с берега на десантные корабли. Другая часть батальона совершила марш-бросок в район порта Тартус и там погружена на большой десантный корабль.

Шумани был потрясен:

– Теперь я вижу, как должен сражаться настоящий флот!

А спустя несколько месяцев Шубин покидал Сирию на зашедшем в Тартус теплоходе «Башкирия». Расставание получилось грустным.

Шумани долго держал Шубина в своих объятиях, повторяя:

– Друг! Друг! Друг!

А когда Шубин сказал, что вместо него скоро прибудет другой советник, Шумани еще больше расстроился:

– Мне не нужен другой! Мне нужен ты! Я буду просить президента, чтобы тебя вернули к нам.

– Что ж, прикажут – вернусь. Мы с тобой, сам понимаешь, люди военные!

Шубин отвернулся, чтобы Шумани не увидел предательски выступивших слез.

Теплоход уже вышел из аванпорта, а Шубин все еще видел на пирсе машущего ему рукой Шумани. Впереди капитана 1-го ранга Шубина ждали Москва и должность старшего преподавателя Академии Генерального штаба.

16–20 МАРТА 2016 ГОДА. СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. БОЛЬШОЙ ДЕСАНТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОСТРОМА»

Уже на входе в Дарданеллы разминулись с БДК «Святослав», который спешил из Тартуса в Новороссийск. И хотя корабли «экспресса» встречались весьма часто, каждая такая встреча была радостной. Как и положено, на обоих кораблях сыграли «Захождение» и «Исполнительный», причем, хотя оба БДК имели одинаковый ранг, но в силу негласных традиций «экспресса», «Святослав» исполнил «Захождение» чуть раньше как знак особого уважения к старшинству командира «Костромы». Все находившиеся в тот момент на верхней палубе кораблей немедленно повернулись лицом к проходящему мимо кораблю, зафиксировали положение «смирно», офицеры и мичманы приложили руку к пилоткам. Затем, опять же по сложившейся традиции, командиры поприветствовали друг друга по УКВ и пожелали друг другу удачи.

Как-то само собой получилось, что со временем «сирийский экспресс» стал почти своеобразным морским орденом. Разумеется, никто об этом вслух не говорил, но в умах флотской общественности, а затем и высокого начальства экипажи кораблей, ходивших по маршруту Новороссийск – Тартус, были выведены за скобки официальной градации, как нечто отдельное и особое.

В «экспрессе», как в каждом закрытом сообществе, знали цену каждому члену данного сообщества, и этот каждый знал цену остальным. Здесь не задерживались искатели орденов и чинов, не уживались подхалимы, негодяи и всевозможные проходимцы. «Экспресс», как чугунный каток, мгновенно стирал их в порошок. Так как в «экспрессе» участвовали корабли не только Черноморского, но Балтийского и Северного флотов, семьи которых находились за тысячи километров от Новороссийска и редко когда могли приехать, отношения среди моряков «экспресса» постепенно стали почти монашескими. Шубин иногда, шутя, говорил, что вскоре, как в каждом уважающем себя монастыре, у них появится собственный институт старчества, а затем и отшельничества, причем за неимением лучшего отшельников определят в канатный ящик.

В целом нравы в «экспрессе» и в самом деле царили самые пуританские. Пьянство и кабацкие загулы здесь презирались. Помимо этого как-то сам собой из обихода исчез мат, и теперь они только морщились, слыша отборную ругань офицеров и мичманов других кораблей. Немудрено, что «экспресс» стал быстро обрастать собственными традициями и легендами, причем порой весьма нехарактерными для остального флота. К примеру, в моду вошли настоящие чайные церемонии. При этом на каждом корабле культивировали собственные сорта чая, который пили не просто так, а из надраенных до золотого блеска самоваров, по-старинному прихлебывая из блюдец с сахаром вприкуску. Чайные церемонии, как известно, не терпят суеты, а потому к ним относились со всей серьезностью. Обычно в кают-компаниях на вечерние чаепития собирались все офицеры и мичманы с командирами во главе. В матросских столовых

также пристрастились к чайным вечерам, хотя и в более упрощенной форме. Никто сейчас уже и не скажет, кто первым поставил в своей кают-компании первый аквариум, но вскоре на каждом корабле «экспресса» в обязательном порядке имелся уже аквариум, а то и не один. При этом никто не желал повторяться. Одни командиры пошли по пути максимализма и делали свои аквариумы из столитровых пластмассовых аккумуляторных емкостей, другие, наоборот, отдавали предпочтения маленьким, но уютным обиталищам для рыб. Если одни украшали аквариумы подводными дворцами и русалками, оснащали всевозможными фильтрами и компрессорами, то другие стремились к аскетизму и поддержанию естественного биологического равновесия. Еще больше разнообразия было в выборе самих рыб. Если на «Минине» командир разводил красивых, но хищных циклид, то на «Пожарском» любили медленных и величавых вуалехвостов. Кто-то вообще откровенно презирал импортных красавиц и разводил местных представителей речной фауны. Что касается Шубина, то он являлся сторонником аквариумного примитивизма, предпочитая исключительно заурядных гуппий и меченосцев.

Удивительно, но когда было принято решение усилить «экспресс» вспомогательными судами с гражданскими экипажами, то, очутившись в среде «машинистов», они очень быстро приняли все условия игры и вскоре уже практически ничем не выделялись среди ветеранов «сирийского экспресса».

Среди множества легенд, ходивших среди моряков «экспресса», самой старой и самой мрачной считалась легенда о «Летучем сирийце». Суть ее была такова. Некий командир БДК по имени Мишка Квакин, устав от непрерывных походов, однажды стал богохульствовать небесам, что будь он даже трижды проклят, но никогда больше не пойдет в этот «гребанный Тартус». Но, едва он произнес свои последние слова, как разверзлись небеса и на Мишку пролился дождь, в небе загрохотал гром, и был Мишка Квакин действительно проклят. После чего сразу и навсегда исчез прямо с ходового мостика, да так быстро, что никто и глазом моргнуть не успел. А вскоре стали моряки «экспресса» частенько лицезреть призрак Квакина на своих кораблях, когда те проходили проливную зону. При этом Мишкин призрак, как правило, выискивал по каютам «шило», которое хлебал прямо из канистры, а нахлебавшись, бегал со страшными воплями по низам и пугал матросов. Кто-то настаивал, что для изгнания Квакина надобно провести экзорцизм, но большинство полагало, что Мишке и так уже досталось, и пусть уж он лучше упьется, чем вообще сгинет неизвестно где.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.